

Милые кости

Автор:

Элис Сиболд

Милые кости

Элис Сиболд

Young Adult. Легендарные книги

«Шестого декабря тысяча девятьсот семьдесят третьего года, когда меня убили, мне было четырнадцать лет» – так начинается эта трагическая история.

Погибшая – главная героиня Сюзи Сэлмон – приспосабливается к жизни на небесах и наблюдает сверху за тем, как ее убийца пытается замести следы, а семья – свыкнуться с утратой... Но эта сильная, драматическая книга не об убийстве, не о насилии, а о жизни. Жизни после смерти. Жизни тех, кто остался. Наверное, поэтому она написана таким на удивление светлым языком.

«Милые кости» Элис Сиболд переведены на сорок языков и разошлись многомиллионным тиражом. Роман послужил основой для нового кинопроекта Питера Джексона – одного из ведущих режиссеров Голливуда, автора «Властелинов Колец» и «Кинг-Конга».

Элис Сиболд

Милые кости

Всегда – Глену

Alice Sebold

THE LOVELY BONES

Copyright © 2000 by Alice Sebold

Составитель серии А. Жикаренцев

Оригинал-макет подготовлен Издательским домом «Домино»

© Е. Петрова, перевод с английского, 2010 © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

У моего отца на письменном столе стоял стеклянный шар, а в нем – утопающий в снегу пингвин с красно-белым полосатым шарфиком на шее. Когда я была маленькой, папа сажал меня к себе на колени, придвигал поближе эту вещицу, переворачивал ее вверх дном, а потом резко опускал на подставку. И мы смотрели, как пингвина укутывают снежинки. А мне не давало покоя: пингвин там один-одинешенек, жалко его. Поделившись этой мыслью с отцом, я услышала в ответ: «Не горюй, Сюзи, ему не так уж плохо. Ведь он попал в идеальный мир».

Глава первая

Меня звали Сюзи, фамилия – Сэлмон, что, между прочим, означает «лосось». Шестого декабря тысяча девятьсот семьдесят третьего года, когда меня убили, мне было четырнадцать лет. В середине семидесятых почти все объявленные в розыск девочки выглядели примерно одинаково: цвет кожи – белый, волосы – пышные, каштановые. Лица, похожие на мое, смотрели с газетных полос. Это уж потом, когда стали пропадать и мальчишки, и девчонки, и черные, и белые – все подряд, их фотографии начали помещать и на молочных пакетах, и на отдельных листовках, которые опускали в почтовые ящики. А раньше никто

такого даже представить не мог.

В седьмом классе я записала в свой ежедневник слова одного испанского поэта, на которого указала мне сестра. Его имя – Хуан Рамон Хименес, а изречение было такое: «Если тебе дадут линованную бумагу, пиши поперек». Мне оно понравилось по двум причинам: во-первых, в нем выражалось презрение к заведенному распорядку, когда все делается как в школе – по звонку, а во-вторых, это же не какая-нибудь идиотская цитата из популярной рок-группы, а значит, меня кое-что выделяло из общей массы. Я с удовольствием занималась в шахматном клубе и посещала факультатив по химии, зато на уроках домоводства, к ужасу миссис Дельминико, у меня пригорало все, что ставилось на огонь. Моим любимым учителем был мистер Ботт, который на своих уроках биологии развлекался тем, что учил нас препарировать лягушек и раков, а потом при помощи электродов заставлял их дергаться.

Сразу скажу: убил меня вовсе не мистер Ботт. Не стоит думать, будто каждый новый человек, о ком здесь пойдет речь, окажется в числе подозреваемых. Вовсе нет. Просто чужая душа – потемки. Мистер Ботт пришел на мою панихиду (там, кстати, собралась почти вся школа – раньше я и мечтать не могла о такой популярности) и даже прослезился. У него тяжело болела дочка. Это ни для кого не составляло тайны, и когда он смеялся своим собственным шуткам, которые уже всем приелись за сто лет до нашего поступления в школу, мы тоже хохотали, порой даже через силу, чтобы только не обидеть учителя. Его дочери не стало через полтора года после меня. У нее была лейкемия. Но в моем небесном краю мы ни разу не встретились.

Тот, кто меня убил, жил в нашем квартале. Мама восхищалась его цветочными бордюрами, и отец как-то у него поинтересовался, чем их лучше удобрять. Оказалось, убийца использовал только старые, проверенные средства, такие как яичная скорлупа и кофейная гуща; сказал, что этому его научила матушка. Вернувшись домой, отец с ехидной улыбкой приговаривал: цветочки – дело хорошее, спору нет, но в жару от них пойдет такой дух, что небесам будет тошно.

Впрочем, шестого декабря тысяча девятьсот семьдесят третьего года еще падал снег, и я побежала из школы самым коротким путем, через поле. Тьма была – хоть глаз выколи, потому что зимой смеркается рано; помню, я то и дело спотыкалась о сломанные кукурузные стебли. Снежинки мельтешили перед глазами, будто крошечные мягкие лапки. Я дышала носом, но вскоре из него

потекло в три ручья, и пришлось глотать воздух ртом. В двух шагах от того места, где стоял мистер Гарви, я высунула язык, чтобы поймать холодную звездочку.

– Только не пугайся, – произнес мистер Гарви.

В сумерках, посреди безлюдного поля – конечно, я перепугалась.

Уже после смерти меня осенило: а ведь над полем витал едва уловимый запах одеколона, но я не обратила на это внимания, а может, решила, что его принесло ветром из ближайшего дома.

– Мистер Гарви, – выдохнула я.

– Ты ведь старшая сестричка Сэлмон, верно?

– Верно.

– Как поживают твои родные?

При том, что в семье я действительно была старшей из детей, а в школе щелкала трудные контрольные, как орешки, рядом со взрослыми мне почему-то становилось не по себе.

– Нормально, – выдавила я, дрожа от холода, но из уважения к его возрасту словно приросла к земле, тем более что он жил по соседству и папа недавно беседовал с ним об удобрениях.

– А я тут кое-что соорудил, – сказал он. – Хочешь посмотреть?

– Вообще-то я замерзла, мистер Харви, – ответила я. – И потом, мне мама не разрешает гулять, когда темно.

– Сейчас так и так темно, Сюзи, – возразил он.

Почему я тогда ничего не заподозрила? До сих пор не могу себе этого простить. Откуда ему было знать мое имя? Наверно, подумала я, папа рассказал ему какую-нибудь ненавистную мне байку – из тех, что считал свидетельством его любви к детям. Мой отец был из тех, кто фотографирует трехлетнюю дочку голышом и держит этот снимок в ванной, на погляденье гостям. Слава богу, в нашей семье эта участь выпала моей младшей сестре Линдси. Я, по крайней мере, была избавлена от такого позора. Зато папа обожал всем рассказывать, как после рождения сестры меня обуяла такая ревность, что в один прекрасный день, пока он говорил по телефону, я подкралась по дивану к переносной колыбельке, где спала Линдси (а он следил из другой комнаты), и попыталась описать новорожденную. Об этом отец поведал сначала пастору нашей церкви, потом соседке, миссис Стэд, чтобы та высказала свое профессиональное суждение как врач-психотерапевт, и, наконец, всем знакомым, которые говорили: «Сюзи у вас бойкая!»

– «Бойкая»! – подхватывал отец. – Вы еще не все знаете! – И с ходу пускался в подробности о том, «как Сюзи пописала на Линдси».

Но, как выяснилось позже, отец вообще не упоминал нас в разговоре с мистером Гарви и уж тем более не рассказывал ему, «как Сюзи пописала на Линдси».

Впоследствии мистер Гарви, повстречав на улице мою маму, сказал ей такие слова:

– До меня дошли слухи об этой страшной, чудовищной трагедии. Напомните, как звали вашу девочку?

– Сюзи, – бодрясь, ответила мама, придавленная этим грузом, который, по ее наивным расчетам, мог со временем стать легче.

Ей было неизвестно, что боль останется на всю жизнь, делаясь с годами все более изощренной и жестокой.

На прощанье мистер Гарви, как водится, сказал:

– Надеюсь, этого мерзавца скоро поймают. Примите мои соболезнования.

В это время я уже была на небесах и пыталась приспособиться к другому состоянию, но от такого бесстыдства просто взвилась. «У этого гада нет ни капли совести», – воззвала я к Фрэнни, которая стала мне наставницей. «Точно», – подтвердила она и ограничилась этим простым словом. В моем небесном краю не принято было снисходить до всякой дряни.

Мистер Гарви пообещал, что это займет буквально одну минутку, и я пошла за ним чуть дальше, туда, где кукурузные стебли высились в полный рост, потому что никто из ребят не ходил этой дорогой. Как-то раз мой братишка Бакли заинтересовался, почему никто не ест местную кукурузу, и мама объяснила, что это несъедобный сорт. «Такими початками кормят лошадок. Люди это не едят», – сказала она. «А собачки?» – спросил Бакли. «Собачки тоже не едят». – «А динозаврики?» – не унимался Бакли.

И так до бесконечности.

– Я здесь соорудил тайное убежище, – сказал мистер Гарви.

Тут он остановился и повернулся ко мне.

– В упор не вижу, – сказала я.

От меня не укрылось, что мистер Гарви как-то странно сверлит меня взглядом. С тех пор как я вышла из детского возраста, пожилые дядьки частенько бросали на меня такие взгляды, но вряд ли кого-нибудь могло всерьез заинтересовать чучело в длинной синей куртке на меху и в теплых желтых брюках, расклешенных книзу. Поблескивая маленькими круглыми стеклышками в золотой оправе, мистер Гарви смотрел на меня поверх очков.

– А ты, Сюзи, приглядиись получше – и увидишь, – сказал он.

Больше всего мне хотелось приглядеться и увидеть дорогу домой, но из этого ничего не вышло. Почему? Фрэнни объяснила, что такие вопросы лишены смысла: «Не вышло – и все тут. Не стоит этим терзаться. Что толку? Ты умерла, и с этим надо смириться».

– Вторая попытка, – сказал мистер Гарви, опустился на корточки и постучал по земле.

– А что тут особенного? – не поняла я.

У меня мерзли уши. Я терпеть не могла пеструю шапку с помпоном и бубенчиками, которую мама когда-то связала мне к Рождеству. Этот шутовской колпак был засунут в карман куртки.

Помню: я сделала шаг вперед и потопала на месте. Под ногами было что-то твердое, но не похожее на мерзлую землю.

– Доски, – сказал мистер Гарви. – Чтобы вход не обвалился. Здесь у меня землянка.

– Какая еще землянка? – спросила я, забыв и про холод, и про мужской взгляд. Можно было подумать, меня занесло на урок биологии: мне стало любопытно.

– Залезай, погляди.

Внутри было не повернуться, он и сам это признал, когда мы втиснулись в землянку. Но моим вниманием уже завладел искусно сделанный дымоход, который позволял при необходимости разводить под землей огонь, поэтому я уже и думать не думала, как неудобно было забираться внутрь и каково будет вылезать наружу. К тому же я не имела понятия, что значит спастись бегством. Убегать мне случалось разве что от Арти, мальчишки из нашей школы. Его отец был владельцем похоронного бюро, и Арти вечно делал вид, будто таскает с собой шприц для бальзамирования. Даже на своих тетрадях он рисовал иголки, с которых капает темная жидкость.

– Супер-дупер! – сказала я мистеру Гарви.

Сгорбившись, он стал похож на Квазимодо из «Собора Парижской богоматери» – мы это читали на уроках французского. Но мне уже было все равно. Я впала в детство. Превратилась в своего братишку Бакли, которого было не оторвать от огромных скелетов в Музее естествознания в Нью-Йорке, куда его возили на экскурсию. Выражение «супер-дупер» я вообще выбросила из своей речи, когда

окончила начальную школу.

– Как будто у ребенка отняли конфетку, – сказала Фрэнни.

До сих пор вижу перед собой эту яму, словно дело было вчера, – впрочем, ничего удивительного. Теперь для меня жизнь – это вечное вчера. Землянка была размером с чулан: у нас дома примерно в таком же закутке хранились плащи и резиновые сапоги, но мама еще ухитрилась втиснуть туда стиральную машину, а на нее водрузила сушильный шкаф. В землянке я стояла почти в полный рост, а мистер Гарви сгибался в три погибели. Вдоль стенок выступом тянулась земляная скамья, на которую он сразу сел.

– Оцени, – сказал он.

Как замороженная, я уставилась на полочку-нишу в стене, где разглядела коробок спичек, аккумулятор и люминесцентную лампу, которая работала от батарейки, излучая слабое свечение – позже, когда он на меня навалился, черты его лица были почти неразличимы в этом жутковатом свете.

Еще в той нише лежали бритвенные принадлежности и зеркало. Это меня удивило. Не проще ли бриться дома? Но, видимо, я решила, что наш сосед – малость «ку-ку», если он, живя в солидном двухэтажном доме, роет на отшибе землянку. Для таких, как он, у моего отца было обтекаемое выражение: «Большой оригинал!»

Вот я, наверно, и подумала, что мистер Гарви – большой оригинал, но землянка у него получилась на славу, там было тепло, и мне захотелось разузнать, как он ее выкопал, чем укрепил и где всему этому научился.

Но через три дня, когда собака Гилбертов притащила домой мою руку от локтя до кисти, с присохшей кукурузной шелухой, землянка мистера Гарви уже бесследно исчезла. Что до меня, в то время я была еще на перепутье. Мне не довелось увидеть, как он забрасывал яму землей, вытаскивал деревянные опоры и запихивал в мешок улики, в том числе и части моего тела, забыв одну руку. А когда я, возникнув заново, обрела способность наблюдать за происходящим на Земле, меня волновали только мои родные и больше никто.

Мама, раскрыв рот, сидела на жестком стуле у входной двери. Бледная, как никогда. Синие глаза уставились в одну точку. Отец, наоборот, горел жаждой деятельности. Чтобы ничего не упустить, он вызвался прочесывать кукурузное поле вместе с полицейскими. Я по сей день благодарю судьбу за то, что нам был послан скромный детектив по имени Лен Фэнермен. Это он приставил к отцу двух сержантов и отправил их в город – осматривать места, где я часто бывала с подружками. В течение всего первого дня сержанты таскались за моим отцом по торговому центру. Линдси держали в неведении, хотя в свои тринадцать лет она могла бы разобраться, что к чему; Бакли, которому было четыре года, тем более ничего не знал, да и впоследствии, честно говоря, мало что понял.

Мистер Гарви спросил, не хочу ли я чего-нибудь вкусненького. Именно так и сказал. Я ответила, что тороплюсь домой.

– Хотя бы из вежливости возьми кока-колу, – настаивал он. – Другие бы не отказались.

– Какие еще другие?

– Землянка сделана для ребят. Чтобы им было, где потусоваться.

Вот это уже была полная лажа. Мне сразу почудилось вранье, причем какое-то убогое. Я про себя решила, что он совсем одинок. На занятиях по охране здоровья мы читали про таких людей. Бывают мужчины, которые не могут найти себе жену, питаются всухомятку и настолько боятся быть отвергнутыми, что даже не решаются завести собаку или кошку. Мне стало его жаль.

– Ну, ладно, – уступила я. – Давайте кока-колу.

Немного погодя он спросил:

– Тебе не жарко, Сюзи? Может, расстегнешь куртку?

Я так и сделала.

Потом он сказал:

– Ты настоящая красавица, Сюзи.

– Спасибо, – отозвалась я, хотя сама, как мы говорили в таких случаях со школьной подругой Клариссой, чуть не обделалась.

– У тебя есть мальчик?

– Нет, мистер Гарви. – Я давилась кока-колой, но никак не могла допить. – Мне пора, мистер Гарви. У вас тут здорово, но мне пора.

Встав со скамьи, он опять скрючился, как горбун, возле шести земляных ступенек, которые вели на белый свет.

– С чего ты взяла, что я тебя отпущу?

Дальше я что-то говорила только для того, чтобы отогнать от себя мысль: мистер Гарви – не просто «большой оригинал». Когда он загородил выход, на меня повеяло какой-то сальной мерзостью.

– Мистер Гарви, мне в самом деле пора домой.

– Раздевайся.

– Что?

– Раздевайся, – повторил мистер Гарви. – Хочу проверить, сохранила ли ты девственность.

– Сохранила, мистер Гарви.

– Вот я и проверю. Твои родители скажут спасибо.

– Мои родители?

– Родители любят только хороших девочек.

– Мистер Гарви, – бормотала я, – отпустите меня, пожалуйста.

– Никуда я тебя не отпущу, Сюзи. Теперь ты моя.

В те годы мало кто посещал фитнес-клубы; слово «аэробика» и вовсе было пустым звуком. Тогда считалось, что девочки должны быть слабыми, а тех немногих, которые в спортзале могли лазать по канату, мы за глаза обзывали гермафродитками.

Я отчаянно сопротивлялась. Сопротивлялась изо всех сил, чтобы не поддаться мистеру Гарви, но всех моих сил оказалось недостаточно, ничтожно мало, и вскоре я уже лежала на полу, вся облепленная землей, а он навалился сверху, пыхтя и обливаясь потом, и только лишь потерял очки, пока мы боролись.

Но как-никак я была еще жива. Мне казалось: ничего не может быть ужаснее, чем лежать навзничь, придавленной потным мужским туловищем. Биться в подземной ловушке, о которой не знала ни одна душа.

Я думала о маме.

Не иначе как она то и дело поглядывала на таймер кухонной плиты. Плиту купили совсем недавно, и мама не могла нарадоваться на этот таймер.

– Теперь у меня все рассчитано по минутам, – похвасталась она своей матери, которую меньше всего на свете интересовали кухонные плиты.

Мама наверняка беспокоилась, что меня долго нет, вернее, не столько беспокоилась, сколько сердилась.

Вот отец, приехав с работы, вышел из гаража, и она засуетилась, смешивая для него коктейль, а сама с досадой приговаривала:

– Видишь, опять их в школе задерживают. Может, у них праздник весны?

– О чем ты, Абигайл? – отвечал ей отец. – Какой праздник весны в такую метель?

Чтобы замять свою оплошность, мама, скорее всего, вытолкала Бакли из кухни в комнату, бросив ему «Поиграй с папой», а сама, без свидетелей, тоже приложила к хересу.

Мистер Гарви накрыл мне рот своими мокрыми, склизкими губами; я чуть не закричала, но была уже вконец обессилена и раздавлена страхом. До сих пор меня целовал только тот, кто мне нравился. Его звали Рэй, он был родом из Индии. Смуглый, говорил с акцентом. Считалось, что мы с ним не пара. За его большие глаза, смотревшие из-под полуопущенных век, Кларисса дала ему прозвище «Верблюдик», но на самом деле это был хороший парень, умный, один раз он даже бросил мне «шпору» на экзамене по алгебре, да так ловко, что никто не заметил. Он поцеловал меня в коридоре, как раз накануне того дня, когда нужно было сдавать фотографии для школьного ежедневника. В начале учебного года каждому ученику вручался такой ежедневник, и я подсмотрела, что в строчку со стандартными словами «Мое сердце принадлежит...» Рэй вписал: «Сюзи Сэлмон». Губы у него, помню, были совсем сухими.

– Не надо, мистер Гарви, – выдавила я, а потом уже повторяла только одно слово: «Нет». И время от времени еще «умоляю». Если верить Фрэнни, перед смертью почти все твердят «умоляю».

– Я хочу тебя, Сюзи, – прохрипел он.

– Умоляю, – шептала я. А потом опять. – Нет.

Время от времени я соединяла эти два слова. «Умоляю, нет» или «Нет, умоляю». Это все равно что дергать дверь, когда заело замок, или кричать «ловлю, ловлю, ловлю», когда мяч у тебя над головой летит на трибуны.

– Умоляю, нет.

Но ему осточертело слушать нытье. Запустив руку в карман моей куртки, он вытащил связанную мамой шапку, скомкал ее и заткнул мне рот. После этого от меня исходил только один звук – слабый звон бубенчиков.

Осклизлые губы мусолили то мои щеки, то шею, а жадные руки начали шарить под блузкой. Тут я расплакалась. Задержалась всем телом. Разбредила воздух и тишину. Рыдала и билась, чтобы только ничего не чувствовать. А он, не найдя

«молнию», которую мама аккуратно вшила в боковой шов, рванул на мне брюки.

– Белые трусики, – выдохнул он.

Какая-то мерзость стала распирает меня изнутри. Я вмиг превратилась в зловонное море, куда он влез, чтобы нагадить. Самые дальние уголки моего тела проваливались внутрь и тут же выворачивались наизнанку, как веревочная «колыбель для кошки», которую обожала Линдси. А он толчками пригвождал меня к земле.

– Сюзи! Сюзи! – так и слышался мне мамин крик. – Домой!

А он в это время был во мне. И стонал.

– На обед баранина с фасолью!

Он толчками вгонял в меня кол.

– Твой брат нарисовал картинку. Яблочный пирог стынет!

Из-за того, что мистер Гарви навалился сверху, мне приходилось слушать и его сердцебиение, и мое собственное. У меня сердце по-кроличьи трепыхалось, а у него бухало кувалдой, но глухо, как через подушку. Наши тела соприкасались, меня трясло, и тут нахлынуло осознание главного. После такого кошмара я осталась жива. Вот так. Я дышала. Слушала его сердце. Чувствовала, как смердит у него изо рта. От черной земли тоже исходила вонь – отвратительная вонь сырой грязи, где копошатся черви и прочие твари. От этого хотелось орать сутки напролет.

Теперь я знала, что он меня убьет. Только не догадывалась, что на самом деле уже умираю, как загнанное животное.

– Может, пора вставать? – Мистер Гарви откатился в сторону, а потом навис надо мной.

Его голос успокаивал и ободрял – прямо как голос любовника, проспавшего до полудня. И слова прозвучали не как приказ, а как совет.

Мне было не пошевелиться. И уж тем более не встать.

Поскольку я не шелохнулась – неужели только по этой причине, неужели только потому, что я его не послушалась? – он, наклонившись вбок, нащупал нишу, где хранились бритвенные принадлежности. Рука извлекла откуда-то нож. Прямо перед моими глазами кривой ухмылкой мелькнуло голое лезвие.

Вытащив у меня изо рта вязаную шапку, он потребовал:

– Скажи, что любишь меня.

И я сказала, только очень тихо.

Неизбежное все равно случилось.

Глава вторая

Попав на небеса, я первое время считала, что там всем без исключения видится одно и то же. Спортивная площадка, в отдалении – футбольные ворота, на травке атлетически сложенные девушки занимаются метанием копья и толканием молота. Все здания похожи на гимназию второй ступени, какие в шестидесятые годы возводились в каждом городке на северо-востоке Штатов. Эти неуклюжие, приземистые постройки, располагавшиеся на унылых пустырях, неизменно украшались крытыми переходами и сквозными арками, чтобы вид был посовременней. Мне ужасно нравилось, что стены таких зданий всегда красили в бирюзовый и оранжевый цвета, в точности как у нас в городе. Иногда, еще на Земле, когда отец катал меня на машине, я просила его непременно проехать мимо гимназии, а сама представляла, как стану старшеклассницей.

После седьмого, восьмого и девятого класса средней школы поступление в десятый класс гимназии сулило новую жизнь. Я уже планировала, как в старших классах потребую, чтобы меня называли Сюзанной. Воображала, как буду носить

распущенные волосы или красивый узел на затылке. Как при виде моей шикарной фигуры мальчишки свихнутся, а девчонки умрут от зависти, но при этом у меня будет такой хороший характер, что одноклассников замучит совесть, и в конце концов ко мне потянутся все без исключения. Я любила представлять, как на перемене, в кафетерии, буду вступаться за обиженных. Например, кто-нибудь начнет дразнить Клайва Сондерса, что у него бабская походка, а я тут же расправлюсь с обидчиком, двинув ему ногой в самое чувствительное место. Или, скажем, мальчишки станут издеваться над Фиби Харт, у которой бюст растет не по дням, а по часам, а я их срежу: смейтесь-смейтесь, у самих-то нигде ничего не растет. При этом я совершенно упускала из виду, что и сама не без греха – когда Фиби шла к доске, я строчила на полях тетрадки: «Ура! Буфера!», «Молочная Ферма», «Два арбуза до пуза». Наконец, в мечтах я видела, как буду блаженствовать на заднем сиденье автомобиля, а отца найму к себе водителем. Буквально во всем я буду безупречна. Колледж окончу в считанные дни, не торчать же там годами. И между делом получу «Оскара» за лучшую женскую роль.

Вот такие мечты были у меня на Земле.

Через пару дней до меня дошло, что и толкательницы ядра, и девушки с копьями, и парни-баскетболисты на выщербленном асфальте – все они обитают в собственных небесных сферах. Эти сферы всего лишь примыкали к моей: полного соответствия не было, но какие-то мелочи совпадали.

На третий день я познакомилась с Холли – мы стали соседками по комнате. Она сидела на качелях. (Я не сомневалась, что старшеклассникам положены качели – в этом, среди прочего, состояла неземная притягательность гимназии второй ступени. К тому же сиденья должны быть не простые дощатые, а удобные, в форме скорлупки, сделанные из прочного черного каучука, они даже слегка пружинят, пока не начнешь раскачиваться.) При этом Холли читала книжку, написанную причудливыми закорючками; примерно такие же я видела на пакетах, в которых папа приносил домой свинину с рисом из вьетнамского ресторанчика «Поджарка» – Бакли приходил в восторг от этого названия и вопил во все горло: «Поджарь-ка! Поджарь-ка!» Теперь, поднатюнув во вьетнамском, я знаю, что владелец «Поджарки» не имел никакого отношения к Вьетнаму и раньше звался совсем иначе, а когда приехал из Китая в Штаты, взял себе имя Герман Джейд. Это Холли меня просветила.

– Привет, – сказала я. – Меня зовут Сюзи.

Позже она призналась, что позаимствовала свое имя из фильма «Завтрак у Тиффани». Но в тот день оно запросто слетело у нее с языка:

– А меня – Холли. – Поскольку она всегда мечтала избавиться от акцента, на небесах у нее был идеальный выговор.

Мне было не оторваться от ее черных волос, блестящих, как на рекламной картинке.

– Давно ты здесь? – спросила я.

– Три дня.

Присев на соседние качели, я резко развернулась боком, чтобы закрутить цепи, потом еще и еще. После этого можно было раскручиваться сколько угодно, до полной остановки.

– Как тебе тут? – спросила она.

– Фигово.

– По-моему, тоже.

Так все начиналось.

На небесах у каждой из нас исполнились самые простые желания. Школа обходилась без учителей. Уроки можно было посещать под настроение, обязательными предметами считались только рисование (для меня) и джазовая музыка (для Холли). Мальчишки не щипали нас пониже спины и не обзывались. Учебниками служили журналы «17», «Гламур» и «Вот».

Мы подружились, и наши небесные сферы стали шириться. Многие желания у нас полностью совпадали.

Уму-разуму нас учила Фрэнни, моя первая наставница. По возрасту – ей было слегка за сорок – она годилась нам в матери, и мы с Холли не сразу сообразили,

что в ней тоже воплотилось наше желание: чтобы рядом находилась мама.

В своей небесной сфере Фрэнни отдавала себя служению другим, и наградой ей были их успехи и признательность. На Земле она занималась социальной работой среди бедняков и бездомных. Ее благотворительная организация, при церкви Девы Марии, занималась раздачей бесплатных обедов, но помогала только женщинам и детям. Фрэнни поспевала везде: когда надо, отвечала на телефонные звонки, когда надо, боролась с тараканами, причем врукопашную, как каратистка – просто ударом ребра ладони. Ее убил выстрелом в лицо какой-то тип, искавший свою жену.

Фрэнни подошла к нам с Холли на пятый день и протянула каждой из нас по огромному стакану зеленой цитрусовой шипучки, которую мы с удовольствием выпили.

– Чем смогу, буду вам помогать, – сказала она.

Заглянув в ее маленькие синие глаза, окруженные смешливыми морщинками, я решила сказать правду:

– Тут дикая скука.

Холли, высунув язык, пыталась разглядеть, насколько он позеленел.

– А чего бы вам хотелось? – спросила Фрэнни.

– Откуда я знаю, – вырвалось у меня.

– Стоит вам чего-то пожелать, причем очень сильно и с умом, главное – с умом, и ваше желание сбудется.

Это было слишком уж просто. Но именно таким способом мы с Холли получили дом на двоих, с двумя отдельными входами.

На Земле я терпеть не могла наш стандартный дом. Не переваривала родительскую мебель и вид из окон: точно такой же двухэтажный дом, за ним еще один, еще и еще. Похожие, как близнецы, они теснились на склоне. Теперь у

нас под окнами зеленел парк, а в отдалении – достаточно близко, чтобы нам не страдать от одиночества, и в то же время ненавязчиво – светились окна других домов.

Со временем мне захотелось большего. Как ни странно, меня охватило сильное желание познать то, чего я не испытала на Земле. Я жаждала повзрослеть.

– Когда люди живут, они становятся старше, – поделилась я с Фрэнни. – Мне охота жить.

– Исключено, – отрезала она.

– А можно хотя бы смотреть на живых? – спросила Холли.

– Вы и так на них смотрите, – был ответ.

– Ты не поняла, – вмешалась я. – Она имеет в виду целую жизнь, с начала до конца, – интересно узнать, как там все складывается. Какие у них секреты. Тогда мы хотя бы понарошку к ним приблизимся.

– Но сами ничего подобного не испытаете, – уточнила Фрэнни.

– Вот спасибо тебе, Умная Голова, – сказала я, но как-никак наши небесные сферы стали расширяться.

Школьное здание осталось на прежнем месте – точная копия гимназии «Фэрфакс», но, по крайней мере, от него в разные стороны потянулись тропы.

– Ходите этими дорогами, – посоветовала Фрэнни, – и найдете то, что нужно.

С тех пор мы с Холли уже не сидели на месте. В нашей небесной сфере обнаружилось кафе-мороженое, где в любой момент можно было заказать пломбир со свежей мятой и не выслушивать в ответ: «Сейчас не сезон». Более того, там выходила газета, которая частенько публиковала наши фотографии – ни дать ни взять, местные знаменитости. Нас окружали эффектные мужчины и красивые женщины, потому что мы обе увлекались модными журналами. Порой я замечала у Холли отсутствующее выражение лица, а иногда и вовсе не могла

ее докричаться. Это происходило в тех случаях, когда она переносилась в собственную небесную сферу, отдельную от моей. В одиночестве я тосковала, но моя тоска была какой-то притупленной, потому что в ту пору до меня уже дошло значение слова «никогда».

Самая большая моя мечта оставалась несбыточной: чтобы мистер Гарви подох, а я ожила. На небесах тоже бывает хреново. Но я пришла к выводу, что при желании и сосредоточенности смогу повлиять на жизнь тех, кого любила на Земле.

Девятого декабря, когда раздался телефонный звонок, трубку взял отец. Это было началом конца. Он сообщил полицейским мою группу крови и по их просьбе уточнил, что у меня довольно бледная кожа. Они спросили про особые приметы. Папа начал подробно описывать мое лицо, но все время сбивался. Детектив Фэнермен его не торопил – слишком жуткая весть ожидала нашу семью. Наконец он произнес:

– Мистер Сэлмон, мы нашли одну часть тела.

Отец разговаривал по телефону из кухни; на него накатила озноб с тошнотой. Как сообщить Абигайль?

– То есть у вас нет полной уверенности, что она погибла? – спросил он.

– Полной уверенности не бывает, – отозвался Лен Фэнермен.

Эту фразу отец передал маме:

– Полной уверенности не бывает.

Вот уже три вечера он не мог придумать, как подступиться к маме и что сказать. Раньше они не ведали общего горя. Время от времени кому-то одному бывало нелегко, но чтобы обоим сразу – такого еще не случалось: тот, кто оказывался сильнее, всегда подставлял плечо. И никогда прежде они не понимали в полной мере, что значит слово ужас.

– Полной уверенности не бывает, – повторяла мама, ухватившись за эту мысль, как и рассчитывал отец.

Мама была единственной, кто помнил наперечет все подвески на моем браслетике – откуда какая ко мне попала и чем понравилась. Она составила подробнейший список одежды, в которой я ушла из дому, и всего, что у меня было с собой. Мол, если какой-нибудь предмет обнаружится за многие мили от города, отдельно от всего прочего, это даст наводку местным полицейским.

А я, наблюдая, как мама перечисляет мои вещи, в том числе и самые любимые, испытывала то светлую печаль, то сожаление о напрасных надеждах, которые она возлагала на эту затею. Неужели случайный прохожий, найдя карандашную резинку с героями мультика или значок с портретом рок-звезды, сообщит об этом куда следует?

После звонка из полиции отец взял маму за руку, и они долго сидели на кровати, глядя перед собой. Мама молча перебирала в уме вещи из того списка, а отцу казалось, что перед ним разверзлась темная пропасть. Потом стал накрапывать дождь. У них на уме – я знала – было одно и то же, но оба молчали. Думали: а вдруг я брожу где-то под дождем. Целая и невредимая. Ищу сухое и теплое место, чтобы спрятаться.

Кто уснул первым, они и сами не знали; от напряжения у них ломило все кости, дремота сморила обоих сразу, и проснулись они тоже вместе, с тягостным чувством вины. Ночью, когда холодало, дождь то прекращался, то начинался вновь и к утру сменился градом, который забарабанил по крыше и вмиг разбудил моих родителей.

Они не произнесли ни слова. Только переглянулись в тусклом свете ночника. Мама расплакалась, отец прижал ее к себе, стал вытирать ей слезы и бережно целовать в глаза.

Когда родители обнялись, я сразу отвела глаза. Окинула взглядом кукурузное поле, чтобы высмотреть какую-нибудь мелочь, которую поутру могли бы найти полицейские. Град пригнул кукурузные стебли и разогнал живность. Совсем неглубоко под землей прятались мои любимцы, гроза соседских грядок и цветников – дикие кролики, которые то и дело рисковали принести домой какую-нибудь отраву. Если такое случалось, то под землей, вдали от садоводов,

посыпавших клумбы ядовитой химией, умирал, сбившись в кучку, целый кроличий выводок.

Утром десятого числа отец вылил в раковину бутылку виски. Линдси не поняла, зачем так делать.

– Иначе я все это выпью, – сказал он.

– А кто звонил? – спросила моя сестра.

– Не помню, чтобы кто-то звонил.

– Я же слышала, как ты расписывал улыбку Сюзи. Ты всегда так говоришь: «будто вспыхивают звездочки».

– Разве я такое говорил?

– Зачем ты прикидываешься? Это ведь из полиции звонили, верно?

– Сказать тебе правду?

– Скажи, – потребовала Линдси.

– Нашли какую-то часть тела. Не исключено, что она принадлежала Сюзи.

Это было как удар подвздош.

– Но полной уверенности не бывает, – выдавил отец.

Линдси опустилась на кухонный стул.

– Меня тошнит.

– Тебе плохо, малышка?

– Папа, договаривай до конца. Что за часть тела? Пусть уж меня сразу вырвет.

Отец вынул из шкафа металлический тазик для теста, поставил его на стол, придвинул поближе к Линдси и только после этого сел рядом с ней.

– Ну, – поторопила она, – говори.

– Рука, от локтя до кисти. Собака Гилбертов раскопала.

Папа накрыл ее ладонь своей, и тут у Линдси хлынула рвота – прямо в блестящий серебристый тазик.

За утро погода прояснилась; кукурузное поле неподалеку от нашего дома обнесли красно-белым ленточным ограждением, и полицейские начали прочесывать местность. Земля разбухла; под ногами чавкало от дождя, слякоти, града и снега, и все же в одном месте остались явственные следы от работы лопатой. Там и начали копать.

Кое-где, как впоследствии показала экспертиза, концентрация моей крови была довольно высока, но сейчас никто не мог этого знать: сыщики, постепенно теряя надежду, долго перекапывали холодную, мокрую землю в поисках трупа.

На почтительном расстоянии от ленточного ограждения, у края спортивной площадки, топталась горстка встревоженных соседей: у них на глазах люди в теплых синих куртках осторожно разгребали почву лопатами и граблями, будто медицинскими инструментами.

Мои родители остались дома. Линдси не выходила из своей комнаты. Бакли на пару дней забрала к себе семья его друга Нейта – в последнее время моего братишку все чаще отправляли туда поиграть. Ему сказали, что я в гостях у Клариссы.

Мне-то было известно, где находится мое тело, но подать знак я не могла. Оставалось только следить за происходящим и ждать вместе со всеми. Гром грянул ближе к вечеру – один из полицейских, вскинув над головой грязную, сжатую в кулак руку, выкрикнул:

– Сюда! – И остальные бросились к нему.

К тому времени соседи разошлись по домам – все, кроме миссис Стэд. Полицейские посовещались между собой, и от их темного кружка отделился детектив Фэнермен.

– Миссис Стэд! – окликнул он из-за ограждения.

– Я здесь.

– У вас есть дети школьного возраста?

– Есть.

– Подойдите, пожалуйста.

Один из молодых офицеров приподнял красно-белую ленту и, поддерживая миссис Стэд под руку, повел ее по буграм и рытвинам туда, где стояли люди в темном.

– Миссис Стэд, что вы об этом скажете? – спросил Лен Фэнермен, показывая ей книжку «Убить пересмешника», дешевое карманное издание. – Это проходят у нас в школе или нет?

– Да. – Ее побелевшие губы только и смогли выдавить одно короткое слово.

– Не припомните ли, в каком классе... – начал детектив.

– В девятом, – сказала она, глядя в его синевато-серые глаза. – Где училась Сюзи.

Врач-психотерапевт, миссис Стэд умела выслушивать плохие вести и всегда учила своих пациентов здраво рассуждать о житейских бедах, но теперь сама бессильно повисла на руке молодого офицера. Я чувствовала, как она клянет себя за то, что не ушла вместе с остальными: сидела бы сейчас дома с мужем или гуляла с сыном.

– Кто у них преподает литературу?

– Миссис Дьюитт. Ребята с удовольствием читают Харпер Ли после «Отелло».

– После «Отелло»?

Она была в курсе школьных дел, и сейчас это пришлось кстати: детективы ловили каждое ее слово.

– Миссис Дьюитт старается разнообразить программу. Перед Рождеством делает упор на Шекспира. Потом, в виде поощрения, дает Харпер Ли. Если Сюзи носила с собой «Убить пересмешника», значит, она уже сдала сочинение по «Отелло».

Все точно, как в аптеке.

Полицейские сделали несколько телефонных звонков. Круг поисков расширился, и я это видела. Мое сочинение лежало у миссис Дьюитт. Потом она прислала его по почте нам домой, не сделав ни единой пометки. «Думаю, вы захотите это сохранить, – написала она в сопроводительном письме. – Мне очень, очень горько». Сочинение осталось у Линдси, потому что маме было слишком тяжело его читать. «Отринутый и одинокий» – так я его озаглавила. «Отринутый» – это с подачи Линдси, а второе слово я добавила сама. Сестра пробила на полях три дырочки, вставила исписанные моей рукой страницы в чистый блокнот и спрятала у себя в шкафу, под чемоданчиком от куклы Барби и коробкой, в которой – мне на зависть – хранились новехонькие лоскутные куклы Энн и Энди.

Детектив Фэнермен позвонил моим родителям. Сказал, что найдена книга, которую, по их расчетам, мне выдали в школе в тот самый день.

– Мало ли чья это книжка, – говорил отец маме во время очередной бессонной ночи. – А может, она ее просто обронила по дороге.

Никакие доводы здравого смысла их не убеждали.

Еще через два дня, двенадцатого декабря, полицейские нашли мою тетрадь по биологии. Она валялась далеко от того места, где первоначально была закопана, – эксперты взяли образцы почвы. На обрывках бумаги в клеточку,

которые выпали из разоренного кошкой вороньего гнезда, можно было разобрать умные слова, нацарапанные под диктовку мистера Ботта, но так и оставшиеся для меня китайской грамотой. Клочки этих страниц уже были вплетены в стенки гнезда, вместе с листьями и веточками. Полицейским удалось отделить бумагу в клетку от полосок другой бумаги, нелинованной и более хрупкой.

Моя одноклассница (у нее за домом росло то самое дерево с вороньим гнездом) по обрывкам опознала почерк. Да только не мой – так писал Рэй Сингх, которому я нравилась. Взяв у матери особую рисовую бумагу, он написал мне признание в любви, но я так и не успела его прочесть. В среду, когда заканчивалась лабораторка по биологии, он вложил этот листок мне в тетрадь. Почерк у него был аккуратный, не то что у меня. Детективам пришлось восстанавливать не только мой конспект, но и любовную записку Рэя.

– Рэй приболел, – сказала его мать, когда к ним домой нагрянули из полиции.

Впрочем, она сама рассказала все, что требовалось. Рэй только кивал, когда она повторяла ему вопросы полицейского. Да, это он написал Сюзи Сэлмон записку любовного содержания. Да, это он вложил листок в ее тетрадь, когда Сюзи по просьбе учителя собирала лабораторные работы. Да, это он подписался «Мавр».

Рэй Сингх стал первым подозреваемым.

– Этот славный парнишка? – переспросила мама у отца.

– Рэй хороший, – твердила за ужином моя сестра.

Мне было ясно: они не обманываются. Рэй Сингх тут ни при чем.

Однако полицейские не оставляли его в покое, капали на мозги, строили нелепые домыслы. В их глазах для доказательства вины хватало смуглой кожи и независимой манеры держаться, а уж его мать – та просто приводила сыщиков в ярость своей чересчур экзотической красотой и неприступностью. Но у Рэя было алиби. Это могла подтвердить даже международная общественность. Его отец, преподаватель новой истории в Пенсильванском университете, выступал с докладом в Интернациональном клубе и затребовал туда сына в качестве живого примера подросткового опыта, причем именно в тот день, когда меня не

стало.

Рэй тогда промотал уроки, и все решили, что дело нечисто, но вскоре организаторы семинара «Вдали от столиц: американский опыт» прислали в полицию список с фамилиями сорока пяти участников, видевших Рэя на трибуне, и копы волей-неволей признали его невиновность. И все равно они топтались возле его дома и отламывали веточки от живой изгороди. Уж больно им хотелось решить дело единым махом, как по волшебству, ведь улики буквально свалились на них с неба, точнее, с дерева. Между тем по городу поползли слухи, и Рэю, который едва успел сдружиться с кем-то из одноклассников, объявили настоящий бойкот. После уроков он сразу бежал домой.

Я просто сходила с ума. Все видела – и не имела возможности указать полицейским на зеленый дом, в двух шагах от нашего, где мистер Гарви преспокойно выпиливал украшения в готическом стиле для макета, который собирал у себя в саду. Он смотрел новости, пролистывал газеты и прикрывался невиновностью, как уютным старым халатом. Поначалу его нутро сотрясал ураган, но теперь наступил полный штиль.

Чтобы как-то отвлечься, я стала наблюдать за нашим псом по кличке Холидей. Без него мне было скучно, но по родителям и брату с сестрой я скучала совсем по-другому. Просто не могла поверить, что мне уже не бывать рядом с ними; пускай это звучит глупо, но я не допускала такой мысли – отказывалась верить, и все тут. Ночами Холидей не отходил от Линдси, а днем, когда каждый стук в дверь приносил новые вопросы, держался рядом с нашим отцом. Если мама собиралась тайком перекусить, не упускал случая составить ей компанию. Терпел, когда Бакли, запертый в четырех стенах, таскал его за хвост и за уши.

На земле было слишком много крови.

Пятнадцатого декабря опять раздался стук в дверь, как сигнал всем домашним стиснуть зубы и впустить в дом посторонних: либо добрых, но назойливых соседей, либо настырных, безжалостных репортеров. Однако теперь отцу пришлось поверить в худшее.

На пороге стоял Лен Фэнермен, который все время щадил его чувства, а рядом – офицер в форме.

Они вошли и, уже зная расположение комнат, направились, как в таких случаях просила мама, напрямик в гостиную, подальше от детских глаз и ушей.

– Мы нашли одну вещь, которая принадлежала Сюзи.

Лен был осторожен в выражениях. Я видела, насколько тщательно он подбирает слова. Это известие он изложил так, чтобы родители не подумали, будто найдено мое тело, а значит, меня определенно нет в живых.

– Какую вещь? – нетерпеливо спросила мама, сложив руки на груди, и приготовилась в очередной раз отместить несущественную деталь, которой все придавали излишнее значение.

Мама была непрошибаема. Тетрадь – ну и что? Книжка – ну и что? Ее дочь могла выжить и без руки. Большое количество крови? Ну, допустим, большое количество крови. Это же не труп. Вот Джек говорит, и она совершенно с ним согласна: «Полной уверенности не бывает».

Но когда ей показали прозрачный пакет с вязаной шапкой, это ее подкосило. Надежная стена из толстого стекла, которая защищала ее сердце и притупляла рассудок, разлетелась вдребезги.

– С помпоном, – вставила свое слово Линдси.

Она прокралась в гостиную через кухню, не замеченная никем, кроме меня.

У мамы вырвался странный крик, а рука сама собой потянулась к пакету. Этот крик был похож на жалобный металлический скрежет, с каким ломается человек-машина, когда отказывает мотор.

– Мы сделали анализ волокон, – сказал Лен. – Судя по всему, нападавший использовал данный предмет одежды в ходе совершения преступления.

– Как это? – беспомощно спросил отец.

То, что ему сообщили, не укладывалось в голове.

– В качестве кляпа. Шапка пропитана ее слюной, – вмешался офицер в форме, до той поры хранивший молчание.

Выхватив у Лена пакет, мама, под звяканье пришитых к помпону бубенчиков, рухнула на колени и согнулась над шапкой, которую связала для меня своими руками.

Я видела, как Линдси замерла в дверях. Она не узнавала родителей, она уже не узнавала никого и ничего.

Отец проводил к выходу добряка Фэнермена и офицера в форме.

– Мистер Сэлмон, – произнес Лен Фэнермен, – учитывая большое количество крови, которое, как ни прискорбно, свидетельствует о насилии, а также наличие других вещественных доказательств, уже вам известных, мы должны исходить из того, что ваша дочь убита.

Линдси это подслушала, хотя и так все знала, причем целых пять дней – с того самого момента, когда отец рассказал ей про мою руку. Мама протяжно завывала.

– Дело об исчезновении переквалифицировано в дело об убийстве, – сказал Фэнермен.

– Но ведь тело не нашли, – возразил отец.

– Все указывает на то, что вашей дочери нет в живых. Очень тяжело об этом говорить.

Офицер в форме, избегая умоляющего взгляда моего отца, смотрел куда-то в сторону. Вначале я подумала, что этому учат в полицейской академии. Но Лен Фэнермен не стал отводить глаза.

– Вечером позвоню, – сказал он.

Отец вернулся в гостиную совершенно раздавленным, он даже не нашел в себе сил обнять маму, сидевшую прямо на полу, и мою сестру, застывшую рядом. Чтобы они не видели его лица, он сразу прошел наверх, к себе в кабинет,

ожидая найти там Холидея. Пес все так же лежал на ковре. Обняв его за шею и уткнувшись лицом в мягкую, густую собачью шерсть, отец дал волю слезам.

Остаток дня все трое молча ходили на цыпочках, как будто стук шагов мог скрепить печатью страшную весть. Мать Нейта привела домой Бакли и долго колотила в дверь, но никто ей не открыл. Она поняла: в этом доме, точь-в-точь похожем на соседские, что-то изменилось. Тогда она придумала заговор – сказала моему братишке, что они сейчас по секрету от всех побегут лакомиться мороженым, а потом откажутся от обеда.

В четыре часа родители наконец-то столкнулись в гостиной, войдя через разные двери.

Моя мама подняла глаза на отца и выдавила: «Надо маме...» Он молча кивнул и позвонил маминей маме, бабушке Линн, единственной нашей родственнице старшего поколения.

Я беспокоилась, как бы моя сестра, оставшись без присмотра, не сотворила какую-нибудь глупость. Она сидела на старой кушетке, которую родители за ненадобностью перетащили к ней в комнату, и тренировала силу воли: Глубоко вдохни, удержи дыхание. Как можно дольше сохраняй неподвижность. Сожмись, представь, что ты – камень. Подбери и спрячь все лишнее.

Мама не заставляла ее ходить в школу – до Рождества так или иначе оставалась всего неделя, но Линдси приняла решение сама.

В понедельник с утра был классный час. Когда Линдси шла к своему месту, все взгляды устремились на нее.

– Директор хочет с тобой поговорить, милая, – тихонько сообщила ей миссис Дьюитт.

Моя сестра не столько смотрела на учительницу, сколько практиковалась в искусстве смотреть сквозь собеседника. Тут мне впервые пришло в голову, что Линдси неизбежно отсекает многие возможности. Миссис Дьюитт была не просто

учительницей английского: что гораздо важнее, она была женой мистера Дьюитта, который тренировал школьную команду мальчиков по футболу и настаивал, чтобы Линдси попробовала свои силы в этом виде спорта. Моя сестра ничего не имела против Дьюиттов, но теперь она смотрела прямо в глаза только тем, кому готовилась дать отпор.

Она собирала свои учебники и тетради, а со всех сторон ползли шепотки. Уже в дверях она явственно услышала, как Дэнни Кларк нашептывает что-то Сильвии Хенли. Кто-то уронил на пол карандаш. Не иначе как нарочно – чтобы под этим предлогом встать с места и на ходу посплетничать про девчонку, у которой убили сестру.

Шагая по коридорам, Линдси держалась поближе к рядам шкафчиков, чтобы в любой момент можно было нырнуть в сторону, если кто-то пойдет навстречу. Больше всего мне хотелось шагать рядом с ней и вполголоса передразнивать директора, который все свои выступления в актовом зале начинал одинаково: «Директор – друг детей, дающий директивы!» У меня выходило очень похоже, она бы смеялась до колик.

В коридорах, к счастью, она никого не встретила, зато в приемной директора, к несчастью, встретила сочувственные взгляды дурочек-секретарш. Ну, ничего. Домашние тренировки не пропали даром. Она была вооружена до зубов против любых проявлений жалости.

– Линдси, – начал директор Кейден, – сегодня утром мне звонили из полиции. Сочувствую твоему горю.

Моя сестра смотрела на него в упор. Это был не взгляд, а луч лазера.

– Какому горю?

Директор считал, что кризисные ситуации надо обсуждать с детьми напрямую. Он поднялся из-за стола и подвел Линдси к дивану, который ученики между собой называли «директорский лежак». Впоследствии «директорский лежак» заменили двумя стульями, потому что нагрянувшие с проверкой чиновники сказали: «Дивану здесь не место, в кабинете должны быть стулья. Диван вызывает сомнительные ассоциации».

Мистер Кейден уселся на диван; Линдси примостилась рядом. Хочется верить, в тот момент, несмотря на свою подавленность, она все же ощутила некое волнение: не каждому доводится посидеть на «директорском лежаке». Хочется верить, я не лишила ее приятных переживаний.

– Мы всеми силами будем тебе помогать. – Мистер Кейден старался быть на высоте.

– Мне ничего не нужно, – отрезала моя сестра.

– Не хочешь об этом говорить?

– О чем «об этом»? – переспросила Линдси дерзким тоном. Это было папино выражение: «Сюзи, оставь свой дерзкий тон».

– У тебя большая потеря, – ответил директор, протянул руку и дотронулся до ее коленки. Линдси обожгло, как каленым железом.

– Вроде бы я ничего не теряла. – Титаническим усилием воли она демонстративно ощупала карманы блузки и юбки.

Мистер Кейден пришел в замешательство. Годом раньше другая ученица, Вики Курц, которая переживала смерть матери, билась в истерике у него на груди. С него тогда сошло семь потов, но теперь, задним числом, эпизод с Вики Курц выглядел образцом его педагогического мастерства. Он подвел Вики к дивану... впрочем, нет, Вики сама, без приглашения, плюхнулась на диван и, услышав «Сочувствую твоему горю», лопнула, как мыльный пузырь. Он ее обнял, а она все рыдала и рыдала. Костюм, правда, пришлось отнести в химчистку.

Но с Линдси Сэлмон этот номер не прошел. Девочка была незаурядная, ее в числе двадцати лучших учеников школы отобрали для участия в слете юных дарований. За ней числился только один проступок, да и тот пустяковый: в начале учебного года у нее нашли непристойную книжку – «Страх полета»[1 - Выпущенный в 1973 г. роман Эрики Джонг, обогативший английский язык идиомой «zipless fuck».]

«Надо ее растормошить, – пыталась подсказать я. – Посмотрите вместе с ней хорошую комедию, подсуньте ей подушку, которая пукает, покажите, какие у вас прикольные трусы – с чертиками, пожирающими сосиски!» Я только и могла давать советы, но на Земле никто меня не слышал.

Во всех школах ввели обязательное тестирование, чтобы определить, у кого есть способности, а у кого нет. Я не раз поддразнивала сестру, говоря, что хорошие способности – это ерунда, а главное ее достоинство – хорошие волосы. Мы обе родились с густыми светлыми волосами, но у меня они скоро сменились невыразительной копной какого-то мышиного цвета. А Линдси так и осталась беленькой и по этой причине превратилась чуть ли не в мистическую фигуру. В нашей семье она была единственной натуральной блондинкой.

Впрочем, стремление отличиться возникло у нее только после успешно пройденного тестирования. Она начала запирается у себя в комнате и читать толстые книги. Пока я домучивала «Ты там, Господи? Это я, Маргарет»[2 - Популярная книга Джуди Блум для девочек-подростков, выпущена в 1972 г.], она читала Камю – «Сопротивление, восстание и смерть». Уж не знаю, много ли она оттуда почерпнула, но Камю всегда был при ней, и окружающие, включая учителей, ее зауважали.

– Линдси, хочу тебе сказать: нам всем не хватает Сюзи, – произнес мистер Кейден.

Моя сестра не ответила. Директор сделал еще один заход:

– Она была такой умницей.

Линдси смотрела пустыми глазами.

– Теперь это ляжет на тебя. – Мистер Кейден и сам понял, что брякнул какую-то несуразность; но молчание было бы равносильно полному поражению. – Теперь из двух сестер Сэлмон осталась ты одна.

Не сработало.

– А знаешь, кто ко мне сегодня заходил? – На крайний случай у мистера Кейдена была припасена козырная карта. – Мистер Дьюитт. У него есть задумка собрать команду девочек. – Директор воодушевился. – Но реализация этой идеи зависит от тебя. Он знает твой уровень подготовки: ты нисколько не уступаешь мальчишкам, и, по его мнению, тебя надо сделать капитаном, тогда в команду потянутся и другие ученицы. Что ты на это скажешь?

Сердце Линдси сжалось, как кулак.

– На это я скажу, что мне запахло гонять мячик в двух шагах от того места, где, по всей видимости, убили мою сестру.

Получи!

У мистера Кейдена отвисла челюсть.

– Еще вопросы будут? – выговорила Линдси.

– Нет, я только... – Мистер Кейден снова протянул руку. Оставалась последняя ниточка – путь к пониманию. – Только хочу, чтобы ты знала: мы скорбим вместе с тобой.

– Я на урок опаздываю, – сказала Линдси.

В этот момент сестра напомнила мне героев Дикого Запада – наш отец увлекался вестернами, и мы вместе смотрели ночной канал. В этих фильмах всегда бывает такой жест: герой, сделав удачный выстрел, подносит к губам еще не остывший пистолет и дует на легкую струйку дыма.

Линдси встала и с достоинством удалилась. Неторопливые уходы давали ей возможность хоть как-то расслабиться. В приемной оставались директорские помощницы, у доски расхаживал учитель, за партами сидели ученики, дома были родители – ждали полицейских. Она не проронила ни слезинки. Наблюдая за сестрой, я успела выучить реплики, которые она в одиночестве репетировала снова и снова. Все нормально. Своим чередом. Да, действительно, умерла, но люди умирают каждый день, это в порядке вещей. Выходя из кабинета директора, она, как могло показаться, смотрела в глаза секретаршам, но на

самом деле видела только размазанную помаду и аляповатые крепдешиновые костюмчики.

Вечером она растянулась на ковре у себя в комнате и зацепилась носками за низ секретера. Десять раз села из положения лежа. Потом перевернулась на живот и приготовилась отжиматься. Не по-девчоночьи. От мистера Дьюитта она знала, как отжимаются морские пехотинцы: с высоко поднятой головой, причем либо на одной руке, либо с хлопком в ладоши между отжиманиями. Десять раз отжалась от пола. Встала, взяла с книжной полки два толстенных тома: словарь и атлас мира. Начала делать вращательные движения – тренировала бицепсы, пока не заныли руки. Главное – техника дыхания. Вдох. Выдох.

На главной площади небесной сферы в моем распоряжении оказалась наблюдательная башенка (на Земле у наших соседей, О’Дуайеров, была такая же – предмет моей жуткой зависти), откуда я смотрела, как сестра усмиряет ярость.

За несколько часов до моей смерти мама прикрепила к холодильнику картинку, которую нарисовал Бакли. На ней между небом и землей проходила жирная синяя черта. Потом я пару дней глядела сверху, как мои родные мечутся перед этой картинкой, и утверждалась в мысли, что жирная синяя черта обозначает Межграницье, реально существующее место, в котором небесный горизонт сходится с земным. И переносилась туда, где васильковая голубизна акварели, синева, бирюза, небо.

Я часто отмечала, что простые желания выполняются здесь почти сразу. Сокровища в меховой упаковке сами идут в руки. Это я о собаках.

В моем небесном краю через парк под окном ежедневно пробегали собаки разнообразнейших пород. Можно было открыть дверь и рассмотреть их вблизи – упитанных и веселых, тощих и пушистых, поджарых и совсем голых. По травке катались питбули; у сук были набухшие, темные соски, так и манившие к себе обласканных солнцем щенят. Мимо трусили бассеты, наступая на собственные уши и время от времени утыкаясь носами в зады такс, лодыжки гончих и головы пекинесов. А когда Холли брала свой тенор-саксофон и прямо с порога начинала играть блюз, псы рассаживались полукругом и подвывали. Тут поочередно

распахивались все остальные двери, и в парк выходили наши соседки, кто в одиночку, кто парами. Меня оттесняли в сторону, Холли снова и снова играла на бис, а когда солнце клонилось к закату, мы устраивали танцы, причем вместе с собаками. Играли с ними в догонялки – сначала мы бегали за собаками, потом они за нами. Напоследок водили хороводы, держась за собачьи хвосты. Платья у нас у всех были разные: в горошек, цветастые, в полоску, гладкие. Когда на небе поднималась луна, музыка умолкала. Танцы прекращались. Мы замирали.

Тогда миссис Бетель Утемайер, старейшина моей небесной сферы, выносила скрипку. Холли ненавязчиво аккомпанировала. Они играли дуэтом: молчаливая старуха и совсем еще девочка. Их размеренные движения приносили нам какое-то непостижимое, психоделическое успокоение.

Падая с ног от усталости, соседки расходились. Музыка еще дрожала в воздухе: Холли в последний раз подхватывала тему, а миссис Утемайер, молчаливая и прямая, как древняя статуя, на прощанье выдавала джигу.

Такова была наша Всенощная, после которой дом погружался в сон.

Глава третья

Поразительное зрелище открывалось на Земле, если смотреть сверху. В дополнение к ожидаемой картинке «вид с небоскреба на муравейник», повсюду, куда ни глянь, можно было увидеть, как из тел вырываются души.

Мы с Холли пользовались возможностью беглого просмотра Земли: в любой повседневной сценке старались за пару секунд высмотреть что-нибудь удивительное. Так вот, мы не раз наблюдали, как душа летит мимо живого человека, мягко касается его щеки или плеча, а потом продолжает свой путь на небо. Живые не видят мертвых, но многие люди, как мне кажется, наделены особым чутьем и потому ощущают малейшие перемены. Такой человек говорит: повеяло холодком. Если у него умер кто-то из близких, то по утрам, пробудившись ото сна, он видит знакомый силуэт в изножье кровати или у порога спальни, а на улице замечает, как призрачная тень входит в автобус.

Покидая Землю, я дотронулась до одной девчонки из нашей школы, ее звали Рут. Мы все годы учились вместе, но никогда не были подругами. Когда моя душа с отчаянным криком улетала с Земли, я не удержалась и легонько задела эту девочку. У меня только-только отняли жизнь, да еще с такой страшной жестокостью, и мне было не под силу контролировать каждое свое движение. Времени на размышления не оставалось. Когда на тебя обрушивается насилие, думаешь только о том, чтобы спастись. Но, дойдя до последней черты, когда жизнь уплывает, словно лодка от берега, начинаешь хвататься за смерть, как за спасательный трос, в котором и есть твое избавление: ты просто уцепись покрепче и дай унести себя далекодалеко от того места.

Мое легкое прикосновение резануло Рут Коннорс, как телефонный звонок из тюремной камеры. Не туда попали, неправильно набран номер. Она остановилась возле автомобиля мистера Ботта: это был проржавевший красный «фиат». Пролетая мимо, я коснулась ее лица, мелькнувшего в самом конце моего земного пути, чтобы напоследок ощутить связь с Землей через эту девочку, не похожую на других.

Утром седьмого декабря Рут пожаловалась матери, что видела страшный сон, который слишком уж смахивал на правду. Когда мать стала выпрашивать подробности, Рут сказала:

– Иду я через учительскую парковку и вдруг вижу: со стороны стадиона прямо на меня несется бледное привидение.

Помешивая овсянку, миссис Коннорс не сводила глаз с дочери, которая шевелила тонкими пальцами, унаследованными от отца.

– Привидение вылетело из кукурузных зарослей, – продолжала Рут. – Чувствую: это молодая девушка. Глазницы пустые. Все тело скрывает тонкий, как марля, белый покров. Но лицо просвечивает, можно различить и нос, и глаза, и волосы.

Мать сняла с плиты овсянку и убавила пламя.

– У тебя воображение разыгралось, дочка.

Рут прикусила язык. Она больше ни словом не обмолвилась про этот сон (а может, и не сон), даже через десять дней, когда по школе поползли сплетни о

моей смерти, которые тут же обрастали домыслами, как и положено страшным историям. Мои ровесники из кожи вон лезли, чтобы приправить ужасом и без того ужасное известие. Но подробностей все равно никто не знал: место и время преступления, личность убийцы – это были пустые лохани, куда сливались догадки. Логово сатанистов. Полночь. Рэй Сингх.

При всем желании я не могла направить мысли Рут к той вещице, которую так и не нашли, – к моему серебряному браслету-цепочке. Он был на виду: только руку протяни, только распознай в нем улику. Но лежал вдали от кукурузного поля.

Рут начала писать стихи. Если даже родная мать и наиболее отзывчивые из учителей не желали слышать о темных сторонах того явственного видения, оставалось только облечь память в стихи.

Как же мне хотелось, чтобы Рут зашла к моим родным! Скорее всего, они – за исключением Линдси – даже не знали ее имени. По физкультуре Рут была на предпоследнем месте во всей школе. Когда на нее летел волейбольный мяч, она втягивала голову в плечи, мяч стучался об пол у ее ног, а команда и учитель едва сдерживались.

Моя мама сидела на жестком стуле в прихожей и смотрела, как отец снует туда-сюда, придумывая себе разные обязанности: теперь он направил свою энергию на маленького сына, жену и единственную оставшуюся дочку. А Рут совсем замкнулась, держа при себе нашу случайную встречу на автостоянке.

Просмотрев старые школьные ежедневники, она разыскала фотографию моего класса, а также снимки внеклассных занятий, в том числе химического кружка, и поработала над ними полукруглыми ножничками для рукоделия, взятыми у матери. Ее полностью захватило это наваждение, но я не спускала с нее глаз, и вот за неделю до Рождества она заметила в школьном коридоре такую сценку.

В углу обжимались моя подруга Кларисса и Брайан Нельсон. Когда-то я дала Брайану прозвище «Пугало»: у него были широченные плечи, от которых тащились наши девчонки, но физиономия напоминала холщовый мешок, набитый соломой. Мало этого – он носил хипповую кожаную шляпу, а в школьной курилке забивал косяки. По словам моей мамы, пристрастие Клариссы к небесно-голубым теням для век наводило на тревожные мысли, но мне это как раз нравилось. Кларисса вообще делала все то, что мне запрещалось: перекрасилась

в блондинку, расхаживала в туфлях на платформе, после уроков курила.

Рут подошла к ним совсем близко, но осталась незамеченной. Она тащила стопку толстых томов, выданных учительницей обществоведения. Это была ранняя феминистская литература, поэтому Рут несла фолианты корешками к животу, чтобы не светить названиями. Ее отец, строительный подрядчик, принес ей пару прочных резиновых ремешков, специально для книг. Этими ремешками и были стянуты феминистские трактаты, которые она собиралась прочесть за каникулы.

Кларисса и Брайан хихикали. Он залез к ней под блузку. Всякий раз, когда его рука двигалась вверх, Кларисса заливалась смехом, но пресекала эти поползновения, либо уворачиваясь, либо слегка отодвигая его ладонь. Рут, как всегда и во всем, ничем себя не обнаруживала. В другой раз она бы прошла мимо, привычно опустив голову и отведя взгляд, но Кларисса – ни для кого не секрет – была моей подругой, поэтому Рут невольно остановилась. И стала смотреть, что будет дальше.

– Ну что ты, солнышко, – приговаривал Брайан. – Дай потрогать твой холмик. Хотя бы один.

Мне было видно: Рут брезгливо скривилась. И я – точно так же, только на небесах.

– Не здесь же. Нашел место, Брайан.

– Пошли на поле, – шепнул он.

Кларисса ответила нервным смешком, но при этом положила голову ему на плечо и ткнулась носом в шею. До поры до времени она собиралась его подинамить.

После этого кто-то разворотил ее шкафчик.

Среди похищенного оказались альбом с вырезками и записями, разные картинки, прилепленные к дверце, и весь принадлежавший Брайану запас марихуаны, спрятанный там без ведома Клариссы.

Рут никогда в жизни не пробовала наркотики, но в тот вечер она методично вытряхивала табак из длинных коричневых сигарет, которые курила ее мать, и набивала их травкой. Пробравшись в сарай, она зажгла фонарик, разложила перед собой мои фотографии и выкурила столько дури, сколько не снилось даже завзятым школьным «торчкам».

Миссис Коннорс в это время мыла посуду и унюхала дымок, прилетевший из сарая через кухонное окно.

– Видимо, Рут все же нашла общий язык с одноклассниками, – сообщила она мужу, сидевшему с вечерней газетой за чашкой кофе. До предела выматываясь на работе, он к вечеру мало что соображал.

– Это хорошо, – ответил он.

– Будем надеяться, не такая уж она бука.

– Будем надеяться, – подтвердил отец.

К ночи Рут приплелась домой. От тусклого луча фонарика и от восьми косяков у нее затуманились глаза, но мать ни словом ее не упрекнула и даже предложила попробовать пирог с черникой, который остывал на кухне. Только через пару дней, поработав над источниками, не связанными напрямую с Сюзи Сэлмон, Рут сообразила, каким образом смогла умять весь пирог за один присест.

На небесах иногда пахло скунсом – правда, совсем чуть-чуть. В земной жизни я любила этот запах. Вдыхала его – и как бы пробовала на ощупь. В нем смешивались и животный страх, и сила, и терпкий, неотвязный мускус. Впрочем, в небесной сфере у Фрэнни пахло дорогим марочным табаком. А у Холли – плодами кумквата.

Я могла сидеть в наблюдательной башне дни и ночи напролет, обозревая Землю. Не пропустила момент, когда Кларисса выбросила меня из головы – в угоду Брайану. Видела, как Рут следит за ней из-за угла на занятиях по домоводству или же со стороны медицинского кабинета, когда та была в кафетерии. На первых порах меня пьянила возможность беспрепятственно наблюдать за всем,

что происходит в школе. Мне было видно, как помощник тренера по футболу анонимно подбрасывает шоколадки замужней учительнице физики, а первая красавица из группы поддержки буквально лезет в штаны двоечнику, которого столько раз вышибали из самых разных школ, что он и сам сбился со счета. Я подсмотрела, как учитель художественного воспитания и его любовница занимаются сексом в мастерской, прямо у печи для обжига керамики, а директор пускает слюнки, мечтая о помощнике тренера по футболу. Я пришла к выводу, что в средней школе «Кеннет» на этого помощника тренера многие положили глаз, хотя его квадратный подбородок был совершенно не в моем вкусе.

Возвращаясь в свою половину дома, я проходила под старинными фонарями, какие видела только раз в жизни, когда ходила с родителями на спектакль «Наш городок»[3 - Впервые поставленная в 1938 г. пьеса Торнтон Уайлдера (1897–1975).]. С железных столбов полукружьями свешивались желтые шарики. Они мне врезались в память, потому что на сцене эти фонари казались наливными ягодами, истекающими светом. На небесах я придумала себе игру: выбирала под фонарями такие места, где моя тень на ходу сшибала ягоды.

Как-то раз, понаблюдав за Рут, я столкнулась с Фрэнни, которая застучала меня за этой игрой. На площади никого не было, только ветер кружил опавшие листья. Я остановилась и посмотрела ей в лицо, на добрые морщинки у глаз и в уголках рта.

– Да у тебя озноб, – заметила Фрэнни.

Хотя в воздухе висела холодная сырость, причина была не в этом.

– Все время думаю о маме, – сказала я.

Сжав ладонями мою левую руку, Фрэнни улыбнулась.

Мне захотелось легонько поцеловать ее в щеку или сделать так, чтобы она меня обняла, но пришлось просто глядеть ей вслед, провожая глазами голубое платье. Я ведь знала, что она мне чужая, а притворяться не умела.

Развернувшись, я зашагала обратно, в сторону башенки. От влаги, скопившейся в воздухе, руки-ноги покрывались гусиной кожей. Мне вспомнились утренние

паутинки с бриллиантовыми каплями росы, которые я когда-то бездумно стряхивала легким движением запястья.

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, я проснулась на рассвете. Все еще спали, а может, так показалось. На цыпочках спустившись вниз, я заглянула в столовую, где рассчитывала найти подарки. Но нет. На столе было пусто. Я поплелась обратно, и вдруг мой взгляд упал на мамин письменный стол в гостиной. Его затейливая столешница всегда была отполирована до зеркального блеска. «Столик для квитанций» – так его называли родители. Сейчас там лежал раскрытый бумажный сверток, а в нем – вещь, которую я кланчила давно и без всякой надежды: фотоаппарат. Подойдя вплотную, я стала разглядывать его сверху. Это был «инстаматик», а к нему три дополнительные пленки и коробочка с четырьмя вспышками. До этого у меня вообще не было никакой техники. А тут появился ключик, открывающий двери в профессию моей мечты, фотосафари.

Я покрутила головой. Никого. Выглянула на улицу сквозь полуопущенные реечки жалюзи (мама всегда оставляла их в таком положении: «нам скрывать нечего, а напоказ выставлять – тем более») и увидела, что с нашим домом вот-вот поравняется Грейс Таркинг, которая жила на той же улице, но училась в частной школе. Сейчас она шла спортивным шагом, со специальными отягощениями на лодыжках. Я торопливо зарядила фотоаппарат и стала ее подкарауливать, как в будущем собиралась подкарауливать слонов и носорогов. Пока еще меня скрывали оконные рамы и жалюзи, но в моем воображении это были высокие заросли тростника. Подобрав свободной рукой подол длинной ночной рубашки, я затаила дыхание (в голове крутилось: «чтобы себя не выдать») и не пропускала ни одного ее движения – крадучись перешла из гостиной в холл, а потом и в чулан, выходящий окном на другую сторону. Спортивная фигура стала удаляться, и тут меня осенило: побегу-ка я на задний двор, оттуда можно следить за ней без помех.

На цыпочках я побежала к черному ходу – и обнаружила, что дверь на крыльцо распахнута настежь.

Увидев маму, я мгновенно забыла про Грейс Таркинг. Боюсь, не смогу это вразумительно объяснить, но я никогда прежде не видела ее в неподвижности, с каким-то отсутствующим взглядом. Она сидела на складном алюминиевом стуле, лицом во двор. У нее в руке было блюдце, а на нем – ее любимая кофейная чашка. В то утро на краях чашки не было следов помады, потому что мама еще не успела навести красоту для... кого? Мне никогда не приходил в голову такой

вопрос. Для папы? Для нас? Холидей, со счастливой мордой сидевший у пруда, меня не замечал. Он смотрел только на мою маму. А она смотрела в бесконечность. В тот миг она была даже не мамой, а каким-то отдельным от меня существом. Я уставилась на это отдельное существо, которое прежде мыслилось только как Мамочка, и разглядела мягкую, матовую кожу – матовую не от пудры, мягкую не от крема. Глаза и брови образовывали единый контур. «Глаза-океаны», – подлизывался к ней папа, чтобы получить хоть одну вишню в шоколаде из заветной коробки, которая хранилась в баре специально для мамы. Теперь я понимаю, почему он так говорил. Раньше я думала – потому, что у нее глаза синего цвета, но в тот миг мне стало ясно: они бездонные. Это меня и напугало. Повинуясь какому-то инстинкту, а не голосу рассудка, не дожидаясь, пока меня увидит или учует Холидей, пока рассеется над травой росистый туман, окутавший мою настоящую маму, и она проснется такой, как всегда, я сделала первый кадр новехонькой фотокамерой.

Когда из фотоателье «Кодак» доставили увесистый пакет с проявленной пленкой и отпечатанными снимками, я мгновенно уловила разницу. Только на одной-единственной фотографии получилась Абигайль. На самой первой, где она была застигнута врасплох, еще не разбуженная щелчком затвора и не превратившаяся в маму именинницы, владелицу счастливого пса, жену любящего мужа, маму еще одной дочки и последнего, позднего ребенка – сына. Хозяйка дома. Любительница цветов. Приветливая соседка. Глаза-океаны, а в них крушение. Я-то думала, у меня впереди целая жизнь, еще успею разобраться, но оказалось, на это отпущен только один день – тот самый. Только единожды в земной жизни она предстала передо мной как Абигайль, а потом я без труда отправила тот непонятный случай на задворки памяти: для меня куда важнее была настоящая мама, которая по-настоящему окружала меня собой.

Пока я сидела в башенке, вспоминая тот первый кадр и размышляя о маме, Линдси среди ночи встала с постели и прокралась в холл. Я следила за ней, как за киношным грабителем, который рыщет по незнакомому дому. Вот она взялась за ручку моей двери, и я уже знала: дверь сейчас откроется. Я уже знала: она войдет ко мне в комнату, но с какой целью? Моя неприступная крепость и так стала ничейной территорией. Мама там ничего не трогала. Даже кровать осталась незастеленной – в день своей смерти я убегала второпях. Просторная пижама в цветочек валялась среди простыней и подушек, а на одеяле были разбросаны скомканные вещи, которые я в последний момент забраковала – предпочла желтые расклешенные брюки.

Ступая по мягкому ковру, Линдси подошла к моей кровати и пощупала темно-синюю юбку, а потом вязаный крючком голубой джемпер – надоевшие тряпки. У нее был точно такой же джемпер, только оранжевый. Ее руки подняли и бережно расправили голубой ком. Отстой. И в то же время – драгоценность. Мне было видно, как сестра его гладит.

Линдси обвела пальцем лоток для украшений, стоявший у меня на комоде: я складывала туда значки избирательных кампаний и школьных праздников. Предметом особой гордости был найденный на школьной стоянке розовый кругляш с надписью: «Хиппи за любовь». Правда, мама взяла с меня обещание никогда его не носить. Лоток давно переполнился, но значки во множестве красовались еще и на огромной войлочной эмблеме Индианского университета, который заканчивал папа. Я заподозрила, что Линдси сейчас разживется парочкой значков, но она этого не сделала. Даже не притронулась. Просто обвела кончиками пальцев содержимое лотка. Тут ей на глаза попался плотный белый уголок, торчащий снизу. Она потянула.

Это было то самое фото.

Линдси резко выдохнула из себя весь воздух и с раскрытым ртом села на пол, не выпуская из рук снимок. Мир вокруг нее всколыхнулся и затрепетал, как палатка, сорванная ветром. Она, как и я в свое время, впервые увидела в маме незнакомку. На следующих кадрах мама была запечатлена с усталой улыбкой. В тени кизилового дерева, вся в солнечных бликах. Рядом с Холидеем. И я не хотела, чтобы кто-то еще в семье знал мою маму совсем другой – чужой и непонятной.

Впервые я пробились к ним в тот день, когда случилось крушение. 23 декабря 1973 года.

Бакли еще спал. Мама повезла Линдси к зубному. Они всей семьей договорились посвящать каждый день этой недели какому-нибудь полезному делу. Папа обязался расчистить верхнюю гостевую спальню, которую давно занял под свои нужды.

У своего отца он научился мастерить парусники в бутылках. Мои брат с сестрой и мама проявляли полное равнодушие к этим поделкам. А я была до них сама не своя. В мастерской стояла целая флотилия.

На работе папа целый день занимался цифрами – страховая компания «Чаддс Форд» требовала от своих служащих предельной сосредоточенности, – а по вечерам, чтобы расслабиться, мастерил парусники или читал книги про войну Севера и Юга. Приготовившись поднять паруса, он всякий раз призывал меня. Судно уже было приклеено к бутылочному стеклу. Я входила; папа требовал поплотнее закрыть дверь. Нередко мне казалось, что мама только и ждет этого момента, чтобы тут же позвать нас ужинать, – ее шестое чувство пресекало любые занятия, не имеющие к ней прямого отношения. Но когда шестое чувство ее подводило, мне выпадала честь держать бутылку.

– Смирно! – командовал папа. – Назначаю тебя первым штурманом.

С величайшей осторожностью он дергал за единственную нитку, которая еще торчала из бутылочного горлышка, и – алле-оп! – все паруса разом поднимались, хоть на простом баркасе, хоть на клипере. Судно могло отправляться в плавание. Меня так и тянуло захлопать в ладоши, но нельзя было выпускать из рук бутылку. Папа действовал быстро: раскалял в пламени свечи проволоку от металлической вешалки и пережигал нить у самого основания. Одно неосторожное движение – и вся работа насмарку; хорошо еще, если не вспыхнут крошечные бумажные паруса. Кому охота держать в руках бутылку, полную огня?

Со временем папа освободил меня от обязанностей первого штурмана, соорудив подставку из пробкового дерева. Линдси и Бакли никогда не разделяли моего восторга. Не добившись одобрения домашних, папа мрачнел и ретировался в мастерскую. А им что один парусник, что другой – никакой разницы.

Почему-то в тот день, разбирая свою коллекцию, папа обращался ко мне.

– Сюзи, дочурка, морячок мой, – приговаривал он, – тебе больше всего нравились вот эти, небольшие.

Я смотрела, как он расставляет парусники на верстаке, снимая их с полок. Для вытирания пыли использовалась старая мамина рубашка, разорванная на полоски. Под верстаком хранились батареи пустых бутылок, которые мы запасали впрок. Стенной шкаф тоже был забит парусниками: одни он мастерил вместе со своим отцом, другие – сам, третьи – уже со мной. Некоторые выглядели как новенькие, только паруса потемнели, иные со временем просели,

а кое-какие и вовсе завалились набок. А один был особенный: тот, что вспыхнул за неделю до моей гибели.

Папа разбил его первым.

У меня екнуло сердце. А он повернулся и обвел взглядом вереницу парусников, как вереницу лет, вспоминая руки, которые к ним прикасались. Руки покойного отца, руки покойной дочери. У меня на глазах он расколотил всю флотилию. Бутылки разбивались о стены и о деревянный табурет, возвещая мою смерть, а на полу росли горы битого стекла. Осколки сыпались попеременно с бумажными парусами и щепками. Папа остался на месте кораблекрушения. Уж не знаю, как это у меня получилось, но я обнаружила свое присутствие. В каждом осколке, в каждом обрывке, в каждом обломке я запечатлела свое лицо. Опустив голову, папа посмотрел вокруг. Безумие. Длилось оно не более секунды – после этого я исчезла. Папа на мгновение замер, а потом разразился хриплым утробным смехом. От такого рокота меня на небесах пробрал озноб.

Выйдя из мастерской, он прошел по узкому коридору мимо двух других комнат и оказался перед моей спальней. Эта дверь ничем не отличалась от других, такая же хлипкая – кулаком выбить можно. Ему хотелось расколотить зеркало над комодом, содрать ногтями обои, но вместо этого он рухнул на мою кровать и, сотрясаясь от рыданий, вцепился в сиреневую простыню.

– Папа? – окликнул Бакли, держась за дверную ручку.

Обернувшись на детский голос, отец не смог унять слезы. Он соскользнул на пол, не выпуская из пальцев простыню, и лишь немного погодя развел руки в стороны. Бакли не сразу решился броситься в отцовские объятия, хотя обычно не заставлял себя упрашивать.

Папа закутал Бакли в простыню, еще хранившую мой запах. Ему вспомнилось, как я просила оклеить мою комнату лиловыми обоями. Вспомнилось, как он перенес ко мне старые номера «Нэшнл Джиографик» и сложил на нижних полках стеллажей (я ведь планировала заняться съемкой диких животных). Вспомнилось то недолгое время, до рождения Линдси, когда в семье был только один ребенок.

– Ты у меня особенный, дружище, – сказал папа, прижимая его к себе.

Бакли вырвался и стал изучать опухшее отцовское лицо с блестками слез. Потом с серьезным видом кивнул и поцеловал отца в щеку. Такого божественного зрелища и на небесах не придумаешь: младенец утешает мужчину.

Поплотнее завернув Бакли в простыню, папа вспомнил, как я падала с высокой кровати на пол и даже не просыпалась. Он сидел в зеленом кресле у себя в кабинете и читал книгу, всякий раз вздрагивая от глухого стука, когда приземлялось мое тело. Тут он вставал с кресла и спешил ко мне. Ему нравилось смотреть, как я сплю – так крепко, что меня не могли разбудить ни страшные сны, ни полеты с кровати на твердый пол. В такие минуты он божился, что его дети станут королями или диктаторами, художниками или фотоохотниками – кем увидят себя во сне.

В последний раз он нашел меня на полу за несколько месяцев до моей смерти, но тогда вместе со мной под одеялом лежал Бакли: одетый в пижаму, с любимым плюшевым медведем под мышкой, он свернулся калачиком, уткнувшись мне в спину, и мирно сосал палец. Тогда у папы впервые промелькнула грустная мысль о бренности отцовства. Впрочем, он дал жизнь троим детям, и это утешало. Что бы ни случилось с ним самим или с Абигайль, эти трое будут друг другу опорой. В этом смысле начатая им линия жизни представлялась вечной, как уходящая вдаль стальная проволока: даже если когда-нибудь, в глубокой, убеленной сединами старости, ему суждено соскользнуть вниз, она все равно не порвется.

Теперь Сюзи воплотилась в его маленьком сыне. Люби живых. Так он повторял себе раз за разом, твердил эти слова в уме, но мое присутствие было для него неподъемным грузом, который все время тянул назад, назад, назад. Он посмотрел в упор на ребенка, прижатого к груди.

– Кто ты? – помимо своей воли спросил он. – И откуда?

Я не сводила глаз с отца и брата. Истина оказалась совсем не такой, как нам объясняли в школе. Истина заключалась в том, что граница, разделяющая живых и мертвых, подчас бывает смутной и зыбкой.

В первые часы после убийства, пока мама обзванивала знакомых, а отец обходил соседские дома, мистер Гарви поспешил засыпать землянку и унес с поля мешок с моим расчлененным телом. Он прошел в двух домах от того места, где папа беседовал с мистером и миссис Таркинг. Пробираясь вдоль узкой межи, старался не повредить зимостойкие живые изгороди: у О'Дуайеров – самшит, у Стэдов – золотарник. Неизбежно задевал жесткие листья, оставляя за собой след моего запаха, по которому собака Гилбертов потом нашла мою руку, но за пару дней дождь и слякоть уничтожили все следы, а сразу привести розыскных собак никому не пришло в голову. Он принес меня к себе и оставил на полу, пока мылся под душем.

Когда дом выставили на продажу, покупатели досадливо цокали языками при виде темного пятна в гараже. Женщина из агентства по недвижимости заверяла, что это обычное масляное пятно, но на самом деле оно осталось от меня – просочилось из мешка, брошенного на цементный пол. Это был мой первый тайный знак миру.

Вы, конечно, сообразили, но до меня это дошло не сразу: я была далеко не первой жертвой мистера Гарви. Он уже приноровился оттаскивать улики с места преступления. Приноровился выбирать погоду: непременно дожидался осадков, от умеренных до сильных, чтобы не оставлять никаких зацепок полиции. И все же сыщики переоценили его изворотливость. Он не заметил, как выронил мою руку; окровавленные останки сложил в брезентовый мешок; попадись он кому-нибудь на глаза, любой заподозрил бы неладное: зачем сосед крадется по узкой меже, где даже играющим детям не развернуться?

Под душем, в стандартной ванной комнате, точно такой же, какой пользовались мы с Линдси и Бакли, он неспешно, без лишней суеты тер себя мочалкой. Со струями воды на него снисходило спокойствие. Он не включал свет, и в темноте благодатный ливень смывал меня с его тела, но в мыслях он со мной не расставался. Слушал мои приглушенные крики. Ни с чем не сравнимый предсмертный стон. Разглядывал не тронутую солнцем кожу, безупречно белую, как у новорожденного младенца, аккуратно вспоротую лезвием ножа. Его то и дело охватывала дрожь, по рукам и ногам пробегали мурашки. Сложив меня в брезентовый мешок, он бросил туда же тубик мыльного крема и бритву с земляной полки, потом книжку сонетов и напоследок – окровавленный нож. Эти предметы липли к моим коленям, к пальцам рук и ног, но он напомнил себе, что нужно будет ночью их вытащить, пока кровь не застыла. Во всяком случае,

сонеты и нож у него сохранились.

Какие только собаки не прибегали к нам во время Всенощной! Причем некоторые – из числа моих любимцев – всегда держали нос по ветру, учуяв что-нибудь особенное. Какой бы ни был запах – отчет ли-вый или едва уловимый, неузнаваемый или, наоборот, хорошо знакомый (тогда у них в мозгах крутилось: «Ням-ням, где-то жарится бифштекс!»), они непременно добирались до его источника. До предмета. До сути. А уж там решали, как быть дальше. Всегда действовали по такому правилу. Пусть даже запах был гадкий, пусть его источник таил опасность – это их не останавливало. Они шли по следу. Как и я.

Мистер Гарви повез бурый мешок с моими останками в мусорный коллектор, за восемь миль от нашего квартала. Раньше вокруг этого колодца был пустырь, прорезанный железнодорожной веткой. Поодаль стояла мастерская по ремонту мотоциклов. У него в фургоне играла радиостанция, которая в декабре крутила только рождественские песни. Насвистывая знакомые мелодии, он поздравлял себя с успешным исходом дела и наслаждался приятной сытостью. Яблочный пирог, чизбургер, кофе с мороженым. Наелся до отвала. Как-никак, он постоянно шел вперед, придумывал новые способы, не повторялся, каждый раз устраивал себе сюрприз, делал подарок.

Воздух в машине разве что не звенел от мороза. С каждым выдохом у мистера Гарви вылетал пар, и от этого мне хотелось заткнуть свои окаменевшие легкие.

Громоздкий фургон еле умещался на узкой дорожке между двумя новыми строительными площадками. На какой-то рытвине автомобиль резко бросило в сторону, и металлический ящик, в котором лежал мешок с моими останками, ударился о пластиковое гнездо запаски, пробив в нем трещину. «Черт», – ругнулся мистер Гарви, но не перестал насвистывать рождественскую песенку.

Помню, отец как-то решил прокатить нас по этой самой дороге; Бакли, в нарушение правил, сидел у меня на коленях – мы были пристегнуты одним ремнем.

В тот день папа спросил: мол, ребята, кто хочет посмотреть, как исчезает холодильник?

– Его проглотит земля! – объявил он, надевая шляпу и лайковые перчатки, испанские: от таких я бы и сама не отказалась. Ясное дело, перчатки носят только взрослые, а мелюзга бегают в варежках. (На Рождество семьдесят третьего года мама приготовила для меня пару перчаток. Потом их отдали моей сестре, но она не забывала, кому они предназначались. Однажды, по дороге из школы домой, Линдси аккуратно оставила их на краю кукурузного поля. Она часто так делала – приносила мне подарки.)

– Разве у земли есть рот? – спросил Бакли.

– У земли есть огромная круглая пасть, только губы не выросли, – ответил папа.

– Джек, – засмеялась мама, – прекрати сейчас же. Ребенок и так рычит на львиный зев, я сама видела!

– Чур, я с тобой, – вызвалась я.

По рассказам отца, за городом когда-то была заброшенная шахта, которая в конце концов обвалилась и стала использоваться как мусорный коллектор. Но мне это было до лампочки; просто хотелось посмотреть – кто бы отказался? – как земля проглотит такой солидный кусок.

Поэтому, глядя, как мистер Гарви везет меня к шахте, я отметила его точный расчет. Мешок был засунут в металлический сейф, и я находилась внутри этой тяжелой штуковины.

Время было позднее. Оставив сейф в машине, он направился к дому Флэнагенов, которые жили рядом с шахтой и взимали плату за сброс бытовых приборов.

На стук мистера Гарви из дверей оштукатуренного домика появилась женщина. У меня на небесах сразу пахнуло бараниной с розмарином; этот же запах ударил в нос приезжему. В глубине сторожки за кухонным столом сидел хозяин.

– Вечер добрый, сэр, – сказала миссис Флэнаген. – Решили от старья избавиться?

– Сейчас фургон подгоню. – Мистер Гарви уже держал наготове двадцатку.

– А что привезли-то – труп, небось? – пошутила миссис Флэнаген.

Это она ляпнула не по злобе. Чего злиться – крыша над головой есть, в тесноте да не в обиде. Муж есть – и по дому поможет, и слова ей поперек не скажет, потому как на работе не переламывается. И сынок есть, несмышленный еще, мать для него первый человек.

Мистер Гарви ухмыльнулся, и пока эта ухмылка расплывалась по физиономии, я не отводила глаз.

– Старый сейф, еще от папаши остался. Давно пора выбросить, – сказал он. – Просто руки не доходили. Кода все равно никто не помнит.

– А внутри-то есть что?

– Затхлость.

– Ну, подгоняйте машину задом. Может, вам подсобить?

– Было бы здорово, – сказал он.

Флэнагены и помыслить не могли, что девочка, чье имя еще долго не сходило с газетных полос («ИСЧЕЗНУВШАЯ – ЖЕРТВА НАСИЛИЯ?»; «СОБАКА НАШЛА РУКУ»; «КУКУРУЗНОЕ ПОЛЕ – ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ МЕСТО УБИЙСТВА 14-ЛЕТНЕЙ ДЕВОЧКИ»; «ДЕВУШКИ, БУДЬТЕ ОСМОТРИТЕЛЬНЫ»; «ПЛАНИРУЕТСЯ БЛАГОУСТРОЙСТВО ПРИМЫКАЮЩИХ К ШКОЛЕ ТЕРРИТОРИЙ»; «ЛИНДСИ СЭЛМОН, СЕСТРА ПОГИБШЕЙ, ПРОИЗНОСИТ РЕЧЬ НА ВЫПУСКНОМ ВЕЧЕРЕ»), находилась в сером несгораемом шкафу, который под покровом темноты сбросил в шахту одинокий мужчина, заплатив за это двадцать долларов.

Возвращаясь к машине, мистер Гарви сунул руку в карман. Там лежала серебряная цепочка с моего запястья. Он уже не помнил, как ее снимал. Не смог бы уточнить, когда именно положил ее в карман чистых брюк. Сейчас его рука перебирала одну за другой все подвески. Мясистая подушечка большого пальца ощупывала золотую эмблему Пенсильвании, подошву балетной туфельки, крошечный наперсток и крутящиеся велосипедные колесики со спицами. У шоссе номер 202 он свернул на обочину, съел припасенный бутерброд с

ливерной колбасой, а потом поехал на стройку, к югу от Даунингтауна. На площадке не было ни души. В те годы строительные объекты в провинциальных городках обходились без охраны. Он припарковался возле будки-уборной. Надумай кто-нибудь потребовать объяснения, оно было наготове.

Перед моим мысленным взором возникала именно эта сцена, когда я думала о мистере Гарви, – как он, огибая земляные отвалы, затерялся среди сонных бульдозеров, грозно маячивших в темноте. В день моей смерти небо над землей было темно-синим; открытая местность просматривалась на многие мили вокруг. Мне взбрело в голову остановиться рядом и тоже поглядеть во все стороны. Я решила за ним проследить. Снегопад прекратился. Стало ветрено. Подчиняясь интуиции строителя, он приблизился к котловану, который, по его расчетам, вскоре должен был заполниться водой, и напоследок ощупал каждый брелок. Сама я больше всего любила миниатюрный велосипедик, но мистера Гарви явно привлекала эмблема Пенсильвании – замковый камень, на котором папа выгравировал мои инициалы: эта подвеска была тут же оторвана от цепочки и возвращена в карман. Остальные вместе с браслетом полетели в будущее рукотворное озеро.

За два дня до Рождества я увидела, как мистер Гарви читает книгу о племенах догон и бамбара, населяющих государство Мали. Дойдя до описания их жилищ, сделанных из холста и веревок, он загорелся одной мыслью. Решив, что пора снова заняться строительством, поэкспериментировать, как с той землянкой, он остановил свой выбор на ритуальном шатре, показанном в книге. Материалы совсем немудрящие, а собрать такую красоту на заднем дворе можно за пару часов.

Там и застал его мой отец, после того как уничтожил парусники.

Несмотря на холод, мистер Гарви был в одной тонкой рубашке. В тот год ему исполнилось тридцать шесть, и он решил перейти на контактные линзы. С непривычки у него покраснели глаза, из чего соседи, в том числе и папа, сделали вывод, что он спивается.

– Что это вы делаете? – спросил отец.

Хотя все Сэлмоны по мужской линии страдали сердечными заболеваниями, папа отличался недюжинной силой. К тому же благодаря своему росту он выглядел

настоящим здоровяком – каким и предстал перед мистером Гарви, обойдя зеленый, обшитый вагонкой дом и оказавшись на заднем дворе, где заметил вбитые в землю колья, похожие на стойки футбольных ворот. У него еще гудело в голове после того, как мое лицо проступило в осколках стекла. Я не спускала с него глаз, когда он, срезая путь, двинулся напрямик через лужайку, как мальчишка по дороге в школу, и едва удержался, чтобы не провести ладонью по живой изгороди из бузины.

– Что это вы делаете? – повторил он.

Мистер Гарви прервался ровно настолько, чтобы встретиться с ним взглядом, а потом вернулся к работе.

– Шатер из прутьев.

– А зачем?

– Мистер Сэлмон, сочувствую вашему горю.

Взяв себя в руки, папа ответил, как требовали приличия:

– Благодарю. – У него словно ком застрял в горле.

Наступило молчание, и мистер Гарви, понимая, что наблюдатель не собирается уходить, предложил ему немного поработать.

Так и получилось, что у меня на глазах мой родной отец помогал моему убийце.

Папа особенно не вникал в суть. Он понял, что надо прикрепить к стойкам пучок гибких прутьев, а потом подвести под них другие прутья, чтобы две полукруглые дуги располагались крест-накрест. Понял, что прутья надо привязать к поперечинам. Понял, что мистер Гарви начитался книжек про туземцев-имедзурегов и вознамерился построить точную копию их жилища. Все в округе считали этого соседа чудаковатым, и папа лишний раз убедился, что молва не лжет. Вот, пожалуй, и все.

Примерно через час работы, когда остов был уже закончен, мистер Гарви, не говоря ни слова, удалился к себе. Папа решил, что настало время перекусить. Что мистер Гарви сейчас заварит кофе или вынесет во двор чайник.

Ничего подобного. Уйдя в дом и поднявшись наверх, мистер Гарви преследовал совсем другую цель: проверить кухонный нож, спрятанный в спальне. Нож хранился в ящике ночного столика, прямо у кровати, а на столешнице лежал блокнот, в котором бессонными ночами удобно было делать наброски. Он заглянул в мятый бумажный пакет. Лезвие почернело от моей крови. Перебрав в уме свои действия, он вспомнил, как описывается в одной книжке некое племя, жившее в древности на юге области Эйр. У туземцев была такая традиция: при строительстве брачного шатра женщины племени ткали для него полог, вкладывая в эту работу все свое искусство.

На улице пошел снег. Впервые после моей смерти. И папа это отметил.

– Слушаю тебя, родная, – молча произнес он. – Что ты хочешь сказать?

Вся сила моих мыслей устремилась на сухой куст герани, черневший у него перед глазами. Я подумала: если сумею сделать так, чтобы герань распустилась, это и будет ответ. У меня на небесах герань тут же зацвела буйным цветом. У меня на небесах лепестки уже начали осыпаться, я в них утопала по пояс. А на Земле ничего не изменилось.

Но даже сквозь снегопад я заметила: отец по-иному смотрит на зеленый дом. Что-то его насторожило.

Мистер Гарви появился во дворе, одетый в теплую фланелевую рубашку, но папе бросилось в глаза другое: сосед вынес из дому охапку белых льняных простыней.

– Это еще зачем? – спросил отец.

Тут он перестал различать мое лицо.

– Вместо брезента, – объяснил мистер Гарви. Передавая простыни отцу, он коснулся ладонью его пальцев. Папу словно ударило током.

– Вам что-то известно, – сказал отец.

Мистер Гарви молча выдержал его взгляд.

Они продолжили работу, невзирая на подгоняемый ветром снег. С каждым движением у отца подскакивал адреналин. Он хотел убедиться в том, что и так знал. Спросил ли хоть кто-нибудь у этого типа, где он был в тот день, когда я пропала? Неужели никто не видел его в поле? Ведь полицейские опрашивали всех соседей. Методично переходили от дома к дому.

Натянув одну простыню на сплетенный из веток купол, папа с мистером Гарви закрепили ее в углах квадрата, образованного поперечинами. Остальные простыни свободно висели на рейках, спускаясь до самой земли.

Работа подошла к концу; на полукруглых льняных сводах боязливо примостились клочки снега. В складки отцовской рубашки тоже забился снег, даже по верхней кромке ремня пролегла белая полоса. Меня пронзила тоска. Я осознала, что никогда больше не выбегу на снег с Холидеем, никогда не буду катать Линдси на санках, никогда не покажу брату, как лучше всего лепить снежки – утрамбовывая их пяточкой ладони. Меня окружало море ярких лепестков. А на Земле опускалась завеса из мягких, девственно-чистых снежинок.

Зайдя в шатер, мистер Гарви представил, как непорочную невесту везут на верблюде к жениху-имедзурегу. Стоило моему отцу пошевелиться, как он остановил его упреждающим жестом:

– На сегодня хватит. Не пора ли вам домой?

Отец должен был хоть что-то сказать. Но у него на языке вертелось только одно слово: «Сюзи». Оно прозвучало совсем тихо, с каким-то змеиным шипением.

– Шатер получился на славу, – сказал мистер Гарви. – Все соседи видели, как мы с вами трудились. Отныне будем друзьями.

– Вам что-то известно, – повторил отец.

– Ступайте домой. Ничем не могу вам помочь.

Мистер Гарви не улыбнулся, не сделал движения навстречу. Он скрылся в брачном шатре, опустив за собой полог – белую льняную простыню с вышитой монограммой.

Глава пятая

Какая-то частица моего сознания жаждала немедленной расправы, требовала, чтобы папа сделался – наперекор своему характеру – беспощадным мстителем. Так всегда бывает в кино, и еще в книжках, которые идут нарасхват. Простой человек вооружается пистолетом или ножом, чтобы прикончить убийцу своих близких. Сплошной Чарльз Бронсон; публика ревет от восторга.

А на деле было так.

По утрам волей-неволей приходилось вставать. В полудреме он еще оставался прежним, самим собой. Мысли пробуждались медленно, будто по жилам растекался яд. Подняться удавалось не сразу. Он долго лежал в кровати, придавленный тяжестью. Зато потом спасительной соломинкой казалось движение, и он двигался, двигался, двигался, но не мог убежать от себя. На нем была вина, сверху обрушивалась карающая десница: Почему тебя не было рядом с дочерью?

Когда отец направлялся к мистеру Гарви, мама сидела в холле рядом с купленной по случаю фигуркой святого Франциска. Вернувшись, папа вошел в пустой холл. Он окликнул маму, троекратно повторил ее имя, заклиная не отзываться, а потом бесшумно поднялся к себе в кабинет, чтобы сделать очередную запись в блокноте на пружинке: «Пьет? Напоить. Возможно, разговорится». И дальше: «Думаю, Сюзи за мной наблюдает». Тут я запрыгала от восторга у себя на небесах: бросилась обнимать Холли, бросилась обнимать Фрэнни. Отец все понял, думала я.

Линдси громче обычного хлопнула дверью, и папа обрадовался, услышав этот стук. Он страшился погружения в свои записки, боялся доверять слова бумаге. Стук входной двери, эхом прокатившийся сквозь неопределенность дневного времени, вернул его в настоящее, привел в движение, не дал утонуть. Мне это было понятно, хотя – не стану кривить душой – и обидно тоже, оттого что придется довольствоваться незримым присутствием и молча выслушивать, как Линдси за ужином докладывает моим родителям о своих успехах: контрольную написала лучше всех, учитель истории собирается представить ее к награждению почетной грамотой, – впрочем, Линдси была живой, а живые тоже заслуживают внимания.

Она затопала по лестнице. Деревянные сабо стукали о каждую сосновую ступеньку, да так, что сотрясался весь дом.

Не отрицаю, мне было завидно, что ей достанется все папино внимание, но я восхищалась ее выдержкой. Из всей нашей семьи она единственная столкнулась с таким отношением, которое Холли называла «синдром ходячего покойника» – это когда люди смотрят на живых, а видят мертвых.

Когда люди (в том числе и мама с папой) смотрели на Линдси, они видели меня. Не избежала этого наваждения и сама Линдси. Она за версту обходила зеркала. Даже мылась под душем в темноте.

В темноте она выбиралась из-под горячих струй, ощупью находила полотенце. Без света ей ничто не угрожало – влажный пар, поднимавшийся от кафельного пола, обволакивал ее с головы до ног. Неважно, стояла ли в доме тишина, или снизу доносились приглушенные голоса, она знала: здесь ее никто не побеспокоит. В такие минуты она мысленно обращалась ко мне, причем делала это двумя способами. Либо молча твердила одно-единственное слово, «Сюзи», и потом не сдерживала слезы, бегущие по мокрым и без того щекам, потому что была скрыта от посторонних глаз, которые могли увидеть в этих предательски соленых ручьях знак скорби; либо воображала, как я спасаюсь бегством, как ее захватывают вместо меня, а уж она дерется что есть сил и вырывается на свободу. Она гнала от себя мучительный вопрос: Где сейчас Сюзи?

Папа слушал, что происходит у Линдси в комнате. Грохот – захлопнулась дверь. Глухой удар – на пол брошены книги. Скрип – застонала кровать. Тук-тук – с ног слетели сабо. Через пару минут он уже стоял у нее под дверью.

– Линдси, – позвал папа.

Ответа не было.

– Линдси, можно к тебе?

– Уходи, – отрезал ее голос.

– Прошу тебя, милая, – умолял он.

– Уходи!

– Линдси, – у папы перехватило дыхание, – почему ты меня не впускаешь? – Он осторожно прижался лбом к ее двери. Дерево холодило кожу, и он на мгновение забыл, что у него стучит в висках, а душу берedit неотвязное подозрение: Гарви, Гарви, Гарви.

Линдси бесшумно подкралась к порогу, ступая в одних носках, и отперла дверь – папа едва успел отшатнуться и принять такой вид, который, по его расчетам, говорил: «Не прячься».

– Что? – спросила она. Ее лицо было оскорбительно неподвижным. – Что такое?

– Хотел узнать, как у тебя дела, – сказал папа.

Он не мог забыть, как между ним и мистером Гарви опустилась завеса, как потерялась некая зацепка, ускользнула лежавшая на поверхности вина. Но ведь его родные вынуждены изо дня в день выходить на улицу, отправляться в школу или еще куда – и волей-неволей проходят мимо зеленого дома, обшитого вагонкой. Успокоить обескровленное сердце могли только дети.

– Мне надо побыть одной, – сказала Линдси. – Неужели непонятно?

– Если что – я рядом.

– Послушай, папа, – моя сестра пошла на единственную уступку, – я способна обходиться без посторонней помощи.

Что тут будешь делать? Он, конечно, мог нарушить неписанный кодекс и сказать: «А я – нет, я не способен, ты меня не отталкивай», но вместо этого чуть помешкал и отступил назад.

– Понимаю, – сказал он, прежде чем уйти, хотя ничего не понимал.

Мне захотелось взять его на руки. В альбомах по искусству я видела такие статуи: женщина держит на руках мужчину. Спасение наоборот. Дочка говорит отцу: «Ничего, ничего. Скоро заживет. Вот подую – и все пройдет».

Но вместо этого я могла только наблюдать, как он звонит Лену Фэнермену.

На первых порах полиция относилась к нашей семье, можно сказать, трепетно. В захолустных городках исчезновение и убийство девочки было в те годы из ряда вон выходящим событием. Но время шло, а следствию так и не удавалось найти мое тело или напасть на след убийцы. Полицейские занервничали. Существует определенный временной промежуток, в пределах которого, как правило, обнаруживаются улики; этот промежуток уменьшался с каждым днем.

– Не считите за бред, инспектор Фэнермен... – начал отец.

– Зовите меня просто Лен.

У него в кабинете, под настольным пресс-папье, лежала школьная фотография, полученная от моей мамы. Когда об этом еще никто не заговаривал, Лен уже знал, что меня нет в живых.

– Я уверен: одному соседу что-то известно, – сказал папа, глядя из окна мастерской в сторону кукурузного поля. Землевладелец заявил журналистам, что до поры до времени оставит поле под паром.

– Кто этот сосед и откуда у вас такая уверенность? – спросил Лен Фэнермен, достав из ящика стола карандашный огрызок.

Мой отец рассказал ему про сооружение шатра, про то, как мистер Гарви его выпроваживал, как реагировал на мое имя, а потом добавил, что в округе все считают этого субъекта странным – на работу не ходит, детей нет.

– Непременно проверю, – сказал Лен Фэнермен, но, скорее, по обязанности. Такая уж ему отводилась роль в этом спектакле. Сведения, которые сообщил мой отец, не давали ни малейшей зацепки. – Никому об этом ни слова; сами туда больше не ходите, – предостерег Лен.

Когда отец положил трубку, на него нахлынула непонятная пустота. Совершенно выжатый, он переступил порог мастерской и тихо прикрыл за собой дверь, а потом еще раз позвал из коридора:

– Абигайль.

Запершись в нижней ванной, она в это время украдкой поедала миндальное печенье, которое папина фирма неизменно присылала нам к Рождеству. В маминых движениях сквозила жадность; миндальные кругляши, похожие на солнышки, стремительно исчезали у нее во рту. Когда мама была мной беременна, она целое лето ходила в одном и том же просторном клетчатом платье, чтобы не тратить лишние деньги, но зато ела все, что душе угодно, поглаживая живот и приговаривая: «Спасибо, малыш», а на грудь падали шоколадные крошки.

В дверь ванной постучали, только где-то внизу, почти у порога.

– Мамуля!

Торопливо дожевывая печенье, она спрятала пакет в аптечку.

– Мамуля! – сонным голосом повторил Бакли.

– Маму-у-у-ля!

Она терпеть не могла, когда ее так называли.

Стоило ей открыть дверь, как Бакли обвил ручонками ее колени.

Отец поспешил на шум и столкнулся с мамой в кухне. Чтобы отвлечься, они вдвоем захлопотали вокруг Бакли.

– А где Сюзи? – спросил Бакли, когда папа делал бутерброды. Для себя, для мамы и для четырехлетнего сына.

– Игрушки не забыл сложить? – ушел в сторону отец, не понимая, почему надо избегать этой темы в разговоре с единственным человеком, который задает вопросы напрямую.

– Что такое с мамулей? – спросил Бакли.

Мама тупо смотрела в пустую кухонную раковину.

– Давай-ка съездим на этой неделе в зоопарк, – предложил отец, ненавидя себя. За увертки, за подкуп – за обман. Но как объяснить ребенку, что его старшая сестра лежит неизвестно где, разрезанная на части?

Слово «зоопарк» и все, что с ним связано (для моего братишки это значило: «Ура! Обезьяны!»), возымело действие, и Бакли опять ступил на зыбкую дорожку забвения длиной в один день. Темные стороны жизни пока обходили стороной его маленькую фигурку. Он знал, что я сейчас далеко; а кто далеко, тот скоро вернется.

Добросовестно обходя наш квартал, Лен Фэнермен не обнаружил ничего подозрительного в доме Джорджа Гарви. В настоящее время мистер Гарви жил один, но как было сказано, первоначально планировал перебраться сюда с женой. Она умерла незадолго до переезда. Он зарабатывал на жизнь изготовлением архитектурных макетов, которые сдавал в специализированные магазины. Это ни для кого не было секретом. Нельзя сказать, что соседи набивались к нему в друзья, но относились к нему сочувственно. В каждой избушке свои погремушки. Лен Фэнермен знал это, как никто другой. Но, похоже, у Джорджа Гарви погремушки были особенные.

Нет, говорил Гарви, он мало знаком с семейством Сэлмонов. Детей их видел. Сразу заметно, в какой семье есть дети, а в какой нет, продолжал он, слегка понурившись и свесив голову на левый бок. «Во дворе игрушки разбросаны. Дома выглядят более живыми, что ли», – говорил он дрогнувшим голосом.

– Как я понимаю, на днях вы беседовали с мистером Сэлмоном, – сказал ему Лен Фэнермен, вторично явившись в темно-зеленый дом.

– Да, верно, а что случилось? – спросил мистер Гарви. Он прищурился, глядя на детектива, и тут же осекся. – Схожу за очками, – сказал он. – У меня сейчас кропотливая работа, из эпохи Наполеона Третьего.

– Наполеона Третьего? – переспросил Лен.

– Рождественские заказы сдал, теперь экспериментирую для души, – объяснил мистер Гарви.

Лен проследовал за ним в дом и увидел придвинутый к стене обеденный стол. На нем десятками рядов были разложены какие-то мелкие предметы, напоминающие миниатюрные панели для отделки стен.

«И вправду, не от мира сего, – отметил про себя Фэнермен, – но это еще не повод обвинять его в убийстве».

Надев очки, мистер Гарви сразу оживился.

– Действительно, мистер Сэлмон вышел пройтись и помог мне соорудить брачный шатер.

– Соорудить брачный шатер?

– Каждый год это делаю, – подтвердил мистер Гарви. – В память о Лии. Так звали мою жену; она скончалась.

Лену показалось, что он сует нос в личную жизнь этого человека и его сокровенные ритуалы.

– Понимаю, понимаю, – кивнул он.

– Кошмарная история приключилась с этой девочкой, – сказал мистер Гарви. – Я пытался выразить мистеру Сэлмону свои соболезнования. Впрочем, по опыту знаю: скорбящий человек мало что воспринимает.

– Значит, вы сооружаете такой шатер каждый год? – спросил Лен Фэнермен.

Об этом, по крайней мере, можно будет расспросить соседей.

– Раньше ставил его внутри дома, а нынче решил вынести на свет. Мы ведь поженились зимой. Кто ж мог знать, что будет столько снега.

– Где именно внутри дома?

– В подвале. Если хотите, могу показать. У меня и вещи покойной жены там хранятся.

Но Лен отказался.

– Я и без того отнял у вас время, – сказал он. – Просто решил вторично обойти квартал.

– Кстати, как продвигается расследование? – спросил мистер Гарви. – Что-нибудь нашли?

Лен не выносил подобных вопросов, хотя признавал, что люди имеют на них право, коль скоро и сам он вторгается в их личную жизнь.

– Я так считаю: улики ждут своего часа, – сказал он. – Когда захотят, тогда и обнаружатся. – Этот загадочный, поистине конфуцианский ответ в большинстве случаев производил неотразимое впечатление на обывателей.

– А сына Эллисов допросили? – спросил мистер Гарви.

– Мы беседовали с этой семьей.

– Говорят, он форменный живодер.

– Мальчишка, похоже, не подарок, я согласен, – сказал Лен, – но в тот день он подрабатывал в торговом центре.

– И свидетели есть?

– А как же.

– Больше ничего в голову не приходит, – сказал мистер Гарви. – Ума не приложу, как вам помочь.

Лену показалось, это было сказано искренне.

– Да, мозги у него набекрень, – сказал по телефону Лен моему отцу, – но нам нечего ему предъявить.

– А что он сказал насчет шатра?

– Утверждает, что посвятил его Лии, покойной жене.

– Но я точно помню: миссис Стад говорила Абигайль, что его жену звали Софи, – настаивал отец.

Лен сверился со своими заметками.

– Нет-нет – Лия. У меня записано.

Тут папа усомнился в своей памяти. Откуда всплыло это имя – Софи? Он был уверен, что слышал его из первых уст, но уже давно, на местном празднике, где нужно было по-соседски поддерживать беседу, поэтому люди сыпали именами жен и детей, как пригоршнями конфетти, а по ходу дела хвастались новорожденными младенцами и представляли гостей, которых на другой день никто не вспоминал.

Впрочем, насколько ему помнилось, мистер Гарви на тот праздник не пришел. Он вообще избегал подобных соборщ. Соседи приписывали такую нелюдимость его чудаковатой натуре, но отец не видел в этом ничего особенного. Он и сам чувствовал себя не в своей тарелке, когда приходилось на людях изображать веселье.

Папа сделал в блокноте запись: «Лия?» Потом дописал: «Софи?» Сам того не подозревая, он вел список жертв.

В рождественские дни нашей семье уютнее было бы на небесах. В моей небесной сфере Рождеству не придавалось особого значения. Кто хотел, наряжался в белое и порхал, как снежинка, но этим празднества и ограничивались.

На Рождество к нам домой заявился Сэмюел Хеклер. Разумеется, не в костюме снежинки. Он был одет в кожаную куртку, доставшуюся от старшего брата, и в армейскую робу с чужого плеча.

Бакли с головой ушел в новые игрушки. Мама благодарила судьбу, что купила подарки заранее. Линдси получила перчатки и вишневый блеск для губ. Папа – пять белых носовых платков, давным-давно заказанных ею по почте. Так или иначе, всем, кроме Бакли, подарки были не в радость. В сочельник никто даже не думал включать елочную гирлянду. Горела лишь одинокая свеча – в отцовской мастерской, на подоконнике. Папа зажигал ее с наступлением сумерек, но мои брат с сестрой и мама теперь не выходили из дому в темное время суток. Огонек видела только я.

– Кто-то пришел! – закричал мой братишка. Он строил небоскреб и не мог дожидаться, когда же его постройка рухнет. – С чемоданом!

Мама оставила традиционный яичный коктейль на кухне и подошла к дверям. Линдси, совершая над собой огромное усилие, сидела с родителями – в праздники это святое дело. Они с папой играли в «монополию», вернее сказать, в поддавки, не принимая в расчет плохие карточки. «Налог на предметы роскоши» отменили, «банкротство» не признавали.

В прихожей мама ладонями разгладила юбку. Поставив перед собой Бакли, положила руки ему на плечи:

– Подождем, пусть он постучится.

– Скорее всего, это преподобный Стрик, – высказался папа, обращаясь к Линдси и забирая свои пятнадцать долларов за второе место на конкурсе красоты.

– Сюзи была бы не в восторге, – решила Линдси.

Папа мысленно ухватился за эту фразу, в которой прозвучало мое имя. Линдси выпал двойной ход, и она перебралась в «Марвин-Гардене»

– Двадцать четыре доллара, – сказал папа. – Но, так и быть, уступлю за десятку.

– Линдси! – позвала мама. – Это к тебе.

Выбравшись из-за стола, Линдси направилась к дверям. Папа смотрел ей вслед. И я тоже. В тот миг мы с ним сидели рядом. Я была призраком на игровой доске. Папа уставился на фишку-башмачок, лежавшую на боку в коробке. Если бы только я могла ее поднять, сделать так, чтобы она перепрыгнула с «Бордуока» на лиловое поле «Балтик», где, как я всегда считала, живут самые интересные люди... «Просто ты – фанатка лилового», – говорила Линдси. А папа добавлял: «Могу гордиться, что моя дочь не заражена снобизмом».

– Железная дорога, Сюзи, – сказала папа. – Ты всегда старались получить железную дорогу.

Чтобы подчеркнуть выступающий на лоб мысок и в то же время укротить вихры, Сэмюел Хеклер всегда зачесывал волосы назад. Из-за этого в свои тринадцать лет, упакованный в черную кожу, он смахивал на юного вампира.

– С Рождеством тебя, Линдси. – Он протянул моей сестре маленькую коробочку в голубой подарочной обертке.

Я все видела: Линдси начала сжиматься, как пружина. У нее ушло немало сил, чтобы отрезать от себя всех, всех без исключения, однако Сэмюель Хеклер был

парнем ее мечты. У нее затвердело сердце, будто спрятанное на хранение в ледник, но, как бы она ни переживала мою гибель, ей было тринадцать лет, и Сэмюел Хеклер, парень ее мечты, пришел к ней на Рождество.

– Говорят, тебя посылают на слет юных дарований, – выдавил он, потому что все остальные молчали. – Меня тоже.

Тут у моей мамы в голове что-то щелкнуло – это включился автопилот образцовой хозяйки.

– Заходи, пожалуйста, посиди с нами! – сказал ее голос. – У меня как раз готов яичный коктейль.

– С удовольствием, – ответил Сэмюел Хеклер и, к нашему с Линдси несказанному изумлению, согнул руку в локте, чтобы проводить мою сестру к столу.

– А это что? – Бакли семенил сзади, тыча пальцем в футляр, который он принял за чемодан.

– Альт, – сказал Сэмюел Хеклер.

– Что такое альт? – не понял Бакли.

– Сэмюел играет на альт-саксофоне, – бросила Линдси.

– Только учусь, – сказал Сэмюел.

Мой братишка не знал, что означает «саксофон». Зато он знал, что означает ледяной тон Линдси. Она частенько перед ним заносилась – я в таких случаях говорила: «Не дуйся, Бакли, это у Линдси колючки растут». С этими словами я принималась его щекотать, а потом бодала лбом в живот и приговаривала «злючки-колючки», пока он не заливался хохотом.

Увязавшись за старшими на кухню, Бакли задал вопрос, который возникал у него каждый день, и не по одному разу:

– А где Сюзи?

Все молчали. Сэмюел посмотрел на Линдси.

– Бакли, – позвал папа из соседней комнаты, – давай-ка сыграем с тобой в «монополию».

Моему брату еще никогда не предлагали сыграть в «монополию». Все твердили, что он слишком мал, но на Рождество всегда случаются чудеса. Он бросился к папе, и тот посадил его к себе на колени.

– Видишь этот башмачок? – спросил папа.

Бакли кивнул.

– Слушай внимательно, что я тебе расскажу, ладно?

– Про Сюзи? – Каким-то образом брат соединил одно с другим.

– Да. Я тебе расскажу, где сейчас Сюзи.

У себя на небесах я залилась слезами. Что мне еще оставалось?

– Когда Сюзи играла в «монополию», она всегда выбирала себе этот башмачок, – сказал папа. – Я, например, беру себе машинку или тачку. Линдси берет утюжок, а твоя мама, когда садится играть, выбирает пушку.

– А это собачка?

– Да, породы колли.

– Чур, моя!

– Договорились. – Папа запасся терпением. Он придумал, каким способом можно все объяснить. Вот так, посадив к себе на колени сынишку, беседуя с ним, ощущая его маленькое тельце, такое человеческое, такое теплое, полное жизни. Папа и сам находил в этом успокоение. – Отныне колли будет твоей фишкой. Ну-ка, скажи еще разок, где фишка Сюзи?

– Башмачок, – ответил Бакли.

– Верно. Значит, автомобиль – это я, утюжок – твоя сестра, а пушка – это наша мама.

Мой брат изо всех сил пытался сообразить, что к чему.

– Первым делом фишки ставятся на поле, так? Помогай.

Бакли набрал пригоршню фишек, потом еще одну, и высыпал их на доску, между карточками «Шанс» и «Общественная казна».

– Ну вот, а другие фишки будут нашими друзьями.

– Как Нейт?

– Да хоть бы и как Нейт. Он у нас будет шляпой. А поле – это весь мир. Теперь представь себе вот что: я брошу кубики – и одна фишка исчезнет с поля. Что это будет означать?

– Что она больше не играет?

– Верно.

– А почему? – спросил Бакли, подняв глаза на отца. Тот содрогнулся.

– Почему? – еще раз спросил мой брат.

Папа не стал говорить «потому что жизнь – несправедливая штука» или «потому что так». Он хотел найти подходящие слова, чтобы объяснить четырехлетнему человеку, что такое смерть. Папина рука легла на спину Бакли.

– Сюзи умерла, – только и выговорил он, не сумев связать это с правилами игры. – Понимаешь?

Протянув руку, Бакли накрыл ладонью башмачок. А потом поднял глаза на папу, чтобы найти подтверждение.

Отец кивнул.

– Больше ты ее не увидишь, малыш. Никто из нас больше ее не увидит.

Отца душили рыдания. Бакли смотрел на него, силясь понять происходящее.

Башмачок перекочевал в комнату Бакли и долго хранился у него на комоде, а потом исчез, и все поиски оказались напрасными.

Допив свой яичный коктейль, мама извинилась и ушла из кухни в столовую. Она методично выкладывала у каждой тарелки по три разных вилки, а потом соответствующие ножи и ложки, следя, чтобы они «располагались лесенкой», как ее учили в магазине для новобрачных, где она подрабатывала до моего рождения. У нее было два желания: выкурить сигарету и чтобы оставшиеся в живых дети хоть какое-то время не путались под ногами.

– Может, посмотришь подарок? – предложил Сэмюел Хеклер моей сестре.

Они стояли возле посудомоечной машины, прислонясь к встроенному комоду с полотенцами и скатертями. В комнате справа от кухни сидел отец с моим братишкой; по другую сторону от кухни мама пыталась принять решение по поводу сервировки: флорентийский «веджвуд» и кобальтовое стекло, или королевский «вустер» и «маунтбэттен», или же «ленокс» и «этернал».

Линдси с улыбкой потянула за белую ленту, которой был перетянут маленький сверток.

– Это моя мама завязала такой бант, – признался Сэмюел Хеклер.

Под голубой бумагой обнаружилась черная бархатная коробочка. Линдси бережно подержала ее на ладони. Я у себя на небесах сгорала от нетерпения. Когда мы с сестрой играли в куклы, у нас Барби и Кен всегда женились в шестнадцать лет. В нашем представлении, у человека могла быть только одна

настоящая любовь – никаких компромиссов, никаких повторений.

– Открой, – сказал Сэмюел Хеклер.

– Страшно.

– Не бойся.

Он положил руку ей на локоть: с ума сойти – что я в этот миг испытала! Линдси осталась наедине с мальчиком, который ей нравился (даром что смахивал на вампира). Вот это новость, вот это открытие – теперь у нее не могло быть от меня секретов. По доброй воле она бы никогда со мной не поделилась.

Подарок, лежавший в коробочке, можно было назвать и безделушкой, и разочарованием, и сказкой – это как посмотреть. Безделушкой – потому, что его преподнес тринадцатилетний мальчишка; разочарованием – потому, что это было не обручальное кольцо; но еще оставалась сказка. Линдси увидела половинку золотого сердечка. Сэмюел Хеклер расстегнул ворот пестрой рубашки и вытащил вторую половинку медальона. На кожаном шнурке.

Линдси вспыхнула; я у себя на небесах – точно так же.

У меня мигом вылетело из головы, что за одной стенкой сидит отец, а за другой – мама перебирает столовое серебро. Я увидела, как Линдси потянулась к Сэмюелу Хеклеру. И поцеловала его. Это было ни с чем не сравнимо. Я почти ожила.

Глава шестая

За две недели до гибели я замешкалась перед выходом из дому и, добравшись до школы, увидела, что стоянка автобусов уже опустела.

Дежурный учитель из дисциплинарной комиссии записывал фамилии опоздавших, которые пытались проскользнуть через главный вход после первого звонка. Мне совершенно не улыбалось, чтобы меня потом сдернули с урока и

посадили на скамью возле кабинета мистера Питерфорда, который – это все знали – пригибал провинившемуся голову и охаживал по заднице деревянной линейкой. Учитель труда по его просьбе просверлил в этой линейке отверстия для уменьшения сопротивления при замахе, чтобы сподручнее было лупить по джинсам.

За мной не водилось значительных опозданий или других проступков, которые наказывались линейкой, но я, как и все ученики, настолько живо представляла себе эту экзекуцию, что у меня заранее начинали ныть ягодицы. Кларисса говорила, что «торчки», как называли у нас в школе наркоманов, пробираются за кулисы актового зала через дверь черного хода, которая никогда не запирается – по недосмотру сторожа-уборщика Клео, не осилившего, по причине своей постоянной обдолбанности, даже среднюю школу.

Так вот, в тот день я пробиралась на цыпочках через черный ход, стараясь не споткнуться о кабели и провода. Остановилась у каких-то высоких подмостков и опустила на пол сумку, чтобы расчесать волосы. Каждое утро я покорно натягивала связанный мамой шутовской колпак с бубенчиками, но стоило мне скрыться за домом О’Дуайеров – и у меня на голове оказывалась черная фуражка, которую прежде носил отец. От этого маскарада волосы жутко электризовались, поэтому я первым делом шла в туалет, где можно было нормально причесаться.

– Сюзи Сэлмон, ты красивая, – неведомо откуда прозвучал чей-то голос.

Я стала озираться.

– Посмотри сюда, – позвал все тот же голос.

Задрав голову, я увидела Рэя Сингха, который, свесившись вниз, смотрел на меня с верхнего яруса.

– Привет, – сказала я.

Рэй Сингх – я это знала – был ко мне равнодушен. Раньше их семья жила в Англии, хотя Кларисса говорила, он родом из Индии. У меня не укладывалось в голове, что внешность можно взять у одной страны, говор – у другой, а потом переселиться в третью. Такое сочетание сразу меня зацепило. Плюс ко всему, он

был в сотни раз умнее других и притом запал не на кого-нибудь, а на меня. Время шло, и мне стало ясно, что он выделяется: то придет на уроки в смокинге, то принесет какие-то экзотические сигареты (стыренные у матери), но поначалу я принимала это за изысканные манеры. Он знал и подмечал больше остальных. В то утро от звука его голоса у меня захолонуло сердце.

– Звонка еще не было? – спросила я.

– У нас классный час, сегодня мистер Мортон ведет.

Тут все стало ясно. Мистер Мортон вечно приходил с похмелья и на первом уроке просто отдавал концы. Он никогда не устраивал перекличку.

– С чего это тебя наверх понесло?

– Забирайся – посмотришь. – Он выпрямился; голова и плечи скрылись из виду.

На это еще надо было решиться.

– Залезай, Сюзи.

Меня потянуло на подвиги; вернее, я сделала вид, будто мне все нипочем. Поставила ногу на нижнюю ступеньку лесов и ухватилась за перекладину.

– Вещи не оставляй, – посоветовал Рэй.

Прихватив сумку, я стала неловко карабкаться наверх.

– Давай помогу. – Он подхватил меня под мышки, и я смутилась, хотя на мне была теплая куртка. Свесив ноги вниз, я осталась сидеть на краешке верхнего яруса.

– Так не пойдет, – сказал он. – Еще увидит кто-нибудь.

Я поджала ноги под себя, как он сказал, и только тогда посмотрела ему в глаза. И почувствовала себя полной идиоткой – зачем я туда полезла?

– Долго собираешься тут сидеть? – спросила я.

– Пока английский не кончится.

– Мотаешь английский! – возмутилась я, как будто он, по меньшей мере, ограбил банк.

– Я ходил в Королевский Шекспировский театр на все спектакли, – сказал Рэй. – Чему эта овца может меня научить?

Мне стало обидно за миссис Дьюитт. Если обзывать ее овцой – тоже подвиг, то это без меня.

– «Отелло» мне понравился, – неуверенно сказала я.

– Да что она смыслит? Разглагольствует с умным видом, вот и все. У нее что мавр, что «Чернокожий, как я»[4 - Выпущенная в 1964 г. Карлом Лернером экранизация автобиографической книги Джона Говарда Гриффина о путешествии белого человека по американскому югу в негритянском гриме.] – никакой разницы.

Рэй был умный. Да к тому же индус, а приехал из Англии; по меркам Норристауна – настоящий инопланетянин.

– Тот чудака, который его играл в кино, прикольно смотрелся в черном гриме, – вспомнила я.

– Сэр Лоренс Оливье[5 - Речь идет об экранизации «Отелло», выпущенной Стюартом Бёрджем в 1965 г. с Лоренсом Оливье и Мэгги Смит в главных ролях.].

Мы помолчали. Звонок возвестил окончание классного часа, а через пять минут прозвенел второй звонок, и это значило, что мы должны быть на первом этаже, в классе миссис Дьюитт. С каждой секундой, которая отдаляла нас от этого звонка, меня все сильнее охватывал жар, а Рэй все дольше задерживал на мне свой взгляд, от которого не укрылись синяя куртка с капюшоном, болотного цвета мини-юбка и теплые колготки в тон. Приличная сменная обувь лежала у меня в сумке, а на ногах были сапоги под замшу, отороченные по верхнему краю

и боковым швам требухой грязного искусственного меха. Знать бы, что мне предстоит главное романтическое свидание в моей жизни, я бы подготовилась – хотя бы мазнула губы землянично-банановым бальзамом для поцелуев.

Я почувствовала, как Рэй подался ко мне, и от этого движения под нами скрипнули доски. «Он из Англии», – вертелось у меня в голове. Его губы оказались совсем близко, и доски застонали. У меня все поплыло перед глазами в ожидании первого поцелуя, и вдруг до нашего слуха донесся какой-то шум. Мы так и похолодели.

Как по команде рухнув навзничь, мы с Рэем уставились в хитросплетение проводов и арматуры. Дверь распахнулась, и за кулисы вошел мистер Питерфорд в компании с учительницей рисования – мы узнали обоих по голосам. С ними был кто-то третий.

– На первый раз мы не будем применять дисциплинарные меры, но впредь спускать не намерены, – говорил мистер Питерфорд. – Мисс Райан, вы принесли материалы?

– Принесла.

Мисс Райан прежде работала в католической школе; ей предложили у нас в «Кеннете» должность методиста по художественному воспитанию после того, как у ее предшественников, парочки бывших хиппи, взорвалась печь для обжига керамики. У нее на уроках мы сначала делали какие-то идиотские опыты с расплавленным металлом и комьями глины, а потом без конца рисовали с натуры деревянные фигурки в неестественных позах, которые она расставляла в классе перед началом занятий.

– Что задавали, то я и делала, – проговорила Рут Коннорс.

Я узнала ее по голосу, и Рэй тоже. Нам всем сейчас полагалось быть на уроке английского у миссис Дьюитт.

– Вот этого, – произнес мистер Питерфорд, – вам не задавали.

Рэй, протянув руку, стиснул мои пальцы. Мы оба поняли, о чем речь. На днях в библиотеке ходила по рукам ксерокопия ее рисунка, и когда она попала к мальчишке, стоявшему перед каталогом, библиотекарьша выхватила у него листок.

– Если мне не изменяет память, – процедила мисс Райан, – у наших анатомических моделей груди отсутствуют.

Изображенная на рисунке женщина лежала на спине, закинув ногу на ногу. Она ничем не напоминала деревянную фигурку с конечностями на шарнирах. Это была настоящая женщина, и ее прорисованные углем глаза – то ли по замыслу, то ли по случайности – горели таким вожделением, что кому-то из ребят становилось стыдно, а кому-то в кайф, только давай.

– Нос и рот тоже отсутствуют, – сказала Рут, – но вы сами сказали: проработать лицо.

Рэй опять сжал мне руку.

– Не умничай, – отрезал мистер Питерфорд. – У фигуры такая поза, что Нельсон сразу потащил этот рисунок на ксерокс.

– А я-то при чем?

– Из-за твоего рисунка начались неприятности.

– Но при чем тут я?

– Это бросает тень на всю школу. Впредь будешь рисовать только то, что задает мисс Райан, и без всяких вольностей.

– Леонардо да Винчи вообще рисовал трупы, – тихо сказала Рут.

– Ты все поняла?

– Да, все, – сдалась Рут.

Дверь за кулисы отворилась и захлопнулась, а через мгновение до нас с Рэем донесся плач Рут Коннорс. Рэй одними губами произнес: «Пошли», я подползла к краю настила и свесила ноги вниз, ища какую-нибудь опору.

Через пару дней Рэй поцеловал меня в коридоре, возле шкафчиков. На дощатых подмостках, где он собирался это сделать, нам было не до того. Наш единственный поцелуй остался, можно сказать, случайным, как радужное пятнышко бензина.

Я спускалась спиной к Рут. Она не стала прятаться или убегать, когда я обернулась к ней лицом, а просто осталась сидеть на каком-то деревянном ящике. Слева от нее болтался выцветший занавес. Она следила за мной взглядом, не скрывая слез.

– Сюзи Сэлмон, – только и сказала она, давая знать, что меня заметила.

Мысль о том, что я способна промотать урок, спрятавшись за сценой, была так же невообразима, как вид первой ученицы, которая получает выволочку от дисциплинарной комиссии.

Остановившись перед ней, я комкала в руках шапку.

– Шапка – полный отстой, – сказала Рут.

Я увидела со стороны этот колпак с бубенчиками.

– Сама знаю. Мама связала.

– Ты все слышала?

– Дай-ка поглядеть.

Рут расправила мятую ксерокопию.

Синей шариковой ручкой Брайан Нельсон пририсовал женщине похабную дырку между ног. Я отшатнулась под взглядом Рут. В ее глазах промелькнуло что-то потаенное, какой-то личный интерес, и она, порывшись в своем рюкзаке,

вытащила альбом для эскизов, в черной кожаной обложке.

Рисунки оказались бесподобными. В основном женщины, изредка животные и мужчины. Раньше я ничего похожего не видела. Каждая страница была заполнена рисунками. До меня дошло, что Рут – это бомба замедленного действия, но не потому, что на ее рисунках красовалась обнаженная натура, над которой могли поглумиться одноклассники, а потому, что своим талантом она превосходила всех учителей. Тихая бунтарка. И притом беззащитная.

– Да у тебя талант, Рут, – сказала я.

– Ну, спасибо.

Не отрываясь, я перелистывала альбом и впитывала каждый штрих. Меня и пугало, и влекло то, что было изображено ниже пупка – «детородные органы», как выражалась моя мама.

Когда-то я объявила Линдси, что не собираюсь заводить детей, и в возрасте десяти лет полгода рассказывала всем взрослым, если, конечно, те не отказывались слушать, как пойду к врачу, чтобы мне перевязали трубы. Я очень смутно представляла такую операцию, но внушила себе, что это суровая необходимость. Папа от души хохотал.

До того дня Рут казалась мне какой-то пришибленной, а теперь стала необыкновенной. Рисунки так меня захватили, что я позабыла все правила школьного распорядка, все звонки-свистки, которым полагалось подчиняться.

После того как кукурузное поле обнесли веревочным ограждением, прочесали и забыли, Рут стала ходить туда гулять. Заворачивалась в бабкину шерстяную шаль, сверху надевала выдавший виды отцовский бушлат. Очень скоро она поняла, что ее прогулы всем учителям (кроме, разве что, физкультурника) просто-напросто по барабану. Им было даже на руку, что она отсутствует: слишком умная, проблем добавляет. Из-за таких не расслабишься, да и план урока идет насмарку.

Чтобы не садиться в школьный автобус, она стала выезжать из дому со своим отцом. Тот отправлялся на работу затемно и всегда прихватывал с собой металлическую коробку для бутербродов. В детстве Рут кланчила у него этот красный сундучок со скошенной крышкой и устраивала в нем кукольный дом для Барби, а теперь ее отец прятал там бурбон. На пустой стоянке он не спешил выключать обогреватель и, прежде чем посадить дочку, каждый раз говорил одно и то же:

– Все путем?

Рут согласно кивала.

– На посошок?

Тогда она, даже не кивнув, молча протягивала ему коробку для ленча. Он извлекал оттуда бурбон, откупоривал и вливал в себя щедрую порцию горячительного, а потом передавал бутылку дочери. Та, картинно откинув голову, затыкала горлышко языком, чтобы как можно меньше жидкости попало в рот, а если отец смотрел в упор, делала крошечный, обжигающий глоток.

После этого она соскальзывала с высокой подножки грузовика. До восхода солнца на улице стоял холод, жуткий колотун. Ей вспоминалось правило, которое мы затвердили на уроке: в движении человек согревается, без движения замерзает. Она быстрым шагом направлялась в сторону кукурузного поля. По пути разговаривала сама с собой, а иногда вспоминала меня. Нередко останавливалась у цепного ограждения, отделявшего футбольную площадку от беговых дорожек, и смотрела, как пробуждается мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Выпущенный в 1973 г. роман Эрики Джонг, обогативший английский язык идиомой «zipless fuck».

2

Популярная книга Джуди Блум для девочек-подростков, выпущена в 1972 г.

3

Впервые поставленная в 1938 г. пьеса Торнтона Уайлдера (1897–1975).

4

Выпущенная в 1964 г. Карлом Лернером экранизация автобиографической книги Джона Говарда Гриффина о путешествии белого человека по американскому югу в негритянском гриме.

5

Речь идет об экранизации «Отелло», выпущенной Стюартом Бёрджем в 1965 г. с Лоренсом Оливье и Мэгги Смит в главных ролях.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/elis-sibold/milye-kosti-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)